

ОБЗОРЪ СЪВЕРНОЙ ИТАЛІИ.

Всѣ старанія европейской дипломатіи остались безуспѣшны: война вспыхнула на равнинахъ Сѣверной Италіи. Для оправданія себя въ общественномъ мнѣніи и предъ глазами строго-безпристрастнаго будущаго, обѣ противныя стороны издають манифесты и прокламаціи. Австрія, опираясь на трактаты, считаетъ себя оскорбленною и вынужденною приняться за оружіе; Піемонтъ не можетъ долѣе равнодушно видѣть угнетеніе Италіи и снова выступаетъ на славное поприще ея освобожденія. Стремленія обоихъ противниковъ почти тѣже, какія были въ 1848—1849 г.; но только положеніе ихъ совершенно различно, сравнительно съ тѣмъ, которое было десять лѣтъ тому назадъ. Эта тождественность настоящей политики Австріи и Сардиніи, относительно Сѣверной Италіи, съ политикою 1849 года, можетъ служить уже указаніемъ на то, что она не есть какое нибудь порожденіе случая, или личная принадлежность одного изъ царствующихъ лицъ, или министра. Нѣтъ, она сдѣлалась необходимою неизбѣжностію вслѣдствіе самаго хода исторической судьбы двухъ упомянутыхъ государствъ. Поэтому, возникшая въ настоящее время война рѣшительно была неотвратима, и все, что могла сдѣлать дипломатія европейскихъ кабинетовъ, такъ это развѣ только отдалить, но не предотвратить эту войну.

Прослѣдимъ первоначально, отъ чего образовалось это положеніе, что породило то враждебное отношеніе Піемонта къ Ав-

ОБЗОРЪ СЪВЕРНОЙ ИТАЛІИ.

стріи, въ которомъ онъ находится, а потомъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ какъ та, такъ и другая держава, для того, чтобы рѣшить помощью оружія эту вражду.

Судьба Италіи долгое время была связана съ судьбою Римской императорской короны, которая съ конца IX вѣка стала нераздѣльною съ короною Германіи. Но соединеніе это, какъ для Италіи, такъ и для Германіи, было болѣе вредно, чѣмъ полезно. Римскіе первосвященники, опасаясь могущества Германскихъ королей и желая подчинить ихъ полному своему вліянію, постоянно возбуждали Италіанцевъ противъ императоровъ, которые съ своей стороны предпринимали непрерывныя войны и жестоко наказывали Италію за противодѣйствіе ихъ власти. Такимъ образомъ, Италія постоянно находилась между двухъ огней, между мечемъ римско-германскихъ императоровъ и духовнымъ оружіемъ папъ — отлученіемъ отъ церкви. Последнее, конечно, должно было оказывать весьма сильное вліяніе на впечатлительные умы фанатически-религіозныхъ Италіанцевъ. И дѣйствительно, власть императоровъ въ Италіи, особенно въ сѣверной, никогда не была прочна, и если сохранялась хоть въ слабой степени, то этимъ единственно была обязана постоянной, непримиримой враждѣ, существовавшей между различными италіанскими городами. Города эти, пользуясь борьбою папъ съ императорами, успѣли пріобрѣсти себѣ многія права и преимущества и утвердили за собою чисто демократическій образъ правленія. Императорская власть была для нихъ тяжестію, тѣмъ болѣе чувствительною, что намѣстники императорскіе почти постоянно отличались своей жестокостію. Въ эти-то отдаленныя времена и должно искать начала той вражды и ненависти, которыя и до настоящаго времени сохранились въ сердцахъ Италіанцевъ противъ Нѣмцевъ.

Въ XIII вѣкѣ, съ прекращеніемъ дома Гогенштауфеновъ, владычествующихъ болѣе 100 лѣтъ Италіей, власть императоровъ совершенно падаетъ; напротивъ того, города все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ значенія. Мореплаваніе, торговля и промышленность развиваютъ ихъ благосостояніе и богатство, а вмѣстѣ съ ними начинаютъ процвѣтать науки и художества. Въ Пизѣ, Сіенѣ, Павіи, Падуѣ, Болоньи, основываются университеты, въ которыхъ сосредоточилась вся тогдашняя ученость цѣлой Европы. Знаменитые художники и архитекторы увѣковѣчиваютъ свои имена памятниками, которымъ удивляются и стараются подра-

жать еще и въ наше время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ, увлеченный любовью къ искусству и изящному, мало по малу сталъ утрачивать прежнюю свою пылкую любовь къ свободѣ. Богатство возвысило нѣсколько фамилій, которыя, выдавая себя за друзей народа, успѣли обмануть его и овладѣть его свободой. Такъ явились фамиліи Эсте, Монферратъ, Висконти, Медичи, Савойскій домъ и другія. Вся Италия разбилась на множество отдѣльныхъ владѣній, имѣвшихъ совершенно различныя интересы и постоянно враждовавшихъ между собой. Въ этой враждѣ, въ этихъ междоусобныхъ войнахъ, совершенно исчезли тотъ патриотизмъ и тѣ высокія добродѣтели, которыя прежде отличали Италианцевъ. Владѣтельные дома своимъ блескомъ и роскошью, своимъ покровительствомъ изящнымъ искусствамъ, наконецъ, тѣми общественными постройками, которыми до настоящаго времени гордится Италия, совершенно затмили глаза народу и изъ богатыхъ горожанъ, бывшихъ прежде ревностными поборниками свободы, успѣли сдѣлать поклонниковъ искусства. Молодежь забыла славныя преданія своихъ отцовъ, стала презирать воинскія доблести, искать великолѣпія, свѣтскости, сдѣлалась придворною, а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоила себѣ и всѣ недостатки придворной жизни. Мысль объ общемъ для всѣхъ Италианцевъ отечествѣ была утрачена; вмѣсто Италианцевъ, явились Миланцы, Венеціане, Генуэзцы, Флорентійцы, Феррарцы и другіе. Среди изнѣженнаго населенія, владѣтели италянскихъ городовъ и герцогствъ не могли разсчитывать на собственныя войска и по необходимости должны были прибѣгать къ наемнымъ дружинамъ кондотіеровъ и искать покровительства и поддержки у императоровъ германскихъ, королей французскихъ и испанскихъ. Такимъ образомъ, положеніе Италиі дѣлалось все безотраднѣе и бѣдственнѣе. Съ новымъ направленіемъ всемірной торговли, италянскіе города мало по малу утрачивали свое прежнее торговое значеніе и богатство; непрерывныя войны и присутствіе въ краѣ кондотіеровъ и армій французскихъ, германскихъ и испанскихъ, окончательно раззорили эту богатую страну. Таково было положеніе Италиі въ началѣ XVIII вѣка, когда, по Утрехтскому миру, въ ней снова утвердилась власть германскихъ императоровъ изъ Габсбургскаго дома, получившаго Миланъ, Мантую, Неаполь и островъ Сардинію. По этому же миру Савойскому дому отдана была Сицилія, и изъ Пиемонтскихъ и Савойскихъ его владѣній образовано было отдѣльное королевство, которое

должно было быть стражемъ для Италіи противъ честолюбивыхъ замысловъ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ, главѣ Савойскаго дома, Виктору Амадею, удалось промѣнять Сицилію на Сардинію, и съ этого времени (1720 г.), владѣтели Савоиі, Піемонта и острова Сардиніи принимаютъ титулъ королей Сардинскихъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что съ начала XVIII столѣтія въ одно и тоже время вносится въ Италію прочное вліяніе и господство Габсбургскаго дома (изъ котораго происходятъ нынѣшніе австрійскіе императоры) и создается самостоятельное государство, которое впослѣдствіи времени должно было послужить оплотомъ для Италіи, въ дѣлѣ освобожденія ея отъ нѣмецкаго вліянія. Самое положеніе владѣній Савойскаго дома, по обоимъ скатамъ Гройскихъ Альповъ, чрезвычайно много содѣйствовало усиленію сардинскихъ королей. Не было почти ни одной войны на материкѣ юго-западной Европы, въ которой бы не принималъ участія Савойскій домъ, дѣлаясь постоянно то союзникомъ Франціи, то противникомъ ея, поддерживая то одного, то другаго владѣтеля Сѣверной Италіи; домъ этотъ быстро увеличивалъ свои владѣнія мирными договорами, семейными связями, даже покупками. Въ тоже время, то есть съ XVIII вѣка, усиливается и вліяніе германскихъ императоровъ на Италію. Такъ, въ царствованіе Маріи-Терезіи, сыновья ея получаютъ особыя владѣнія въ Италіи: эрцгерцогъ Петръ-Леопольдъ—Тоскану, а эрцгерцогъ Фердинандъ—герцогство Моденское.

Великія событія, совершившіяся во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, потрясли всю Европу. Противъ французской республики составились громадныя коалиціи, въ главѣ которыхъ стояли Англія и Австрія. Первая, не будучи въ состояніи по своему морскому положенію вести прямо сухопутную войну противъ Франціи, употребила громадныя денежныя средства для того, чтобы вооружить противъ нея континентальныя державы Европы. Такъ, между прочимъ, ей удалось поднять и Сардинское королевство противъ французской республики, и вотъ Сардинцы соединяются вмѣстѣ съ Австрійцами для того, чтобы отстоять независимость Италіи. Но усилія ихъ тщетны предъ военнымъ гениемъ Бонапарте. Король Сардинскій теряетъ Піемонтъ и Савою, Австрія лишается Милана и Мантуи, но приобретаетъ владѣнія бывшей Венеціанской республики, существованіе которой уничтожено по Кампо-Формійскому договору (1798 г.) Правда, что вслѣдъ за тѣмъ, въ 1799 г., содѣйствіе русскаго оружія и побѣды

Суворова снова возстановили прежній порядокъ дѣлъ; но не стало Суворова въ Италиі, снова явился туда первый консулъ Французской республики Бонапарте, и снова Сардинцы разбиты, власть короля уничтожена; Модена и Тоскана отняты у австрійскихъ эрцгерцоговъ. На этотъ разъ Австріи удалось еще сохранить венеціанскія владѣнія, но не надолго. Блистательная компанія 1805 года и послѣдовавшій за нею Пресбургскій миръ, лишилъ ее и этого послѣдняго владѣнія въ Италиі, сѣверная часть которой образовала Италійское королевство, съ престоломъ, наследственнымъ въ родѣ Наполеона. Вскорѣ послѣ того, средняя Италія была присоединена непосредственно къ Французской имперіи, а южная отдана сперва брату Наполеона Іосифу, а потомъ зятю его Іоахиму Мюрату, съ титуломъ короля Неаполитанскаго.

Такимъ образомъ, вся Италія, исключая принадлежащихъ ей острововъ Сициліи и Сардиніи, оставшихся во власти королей Неаполитанскаго и Сардинскаго, подпала подъ власть и вліяніе Французовъ. Но, спрашивается, что сдѣлалъ Наполеонъ для Италіи, и что намѣренъ былъ сдѣлать? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ его глазахъ Италія имѣла весьма важное значеніе; бывшее величіе Италіи, ея заслуги въ области наукъ и искусствъ, все это заставляло смотрѣть Наполеона I на Италію иначе, чѣмъ на другія завоеванныя земли. Онъ хотѣлъ возвысить, поднять эту классическую страну, дать ей самобытное и вполне независимое существованіе, но планъ этотъ не вполне созрѣлъ. Оттого-то во всей его политикѣ, относительно Италіи, видно какое-то колебаніе, постоянныя полумѣры; то онъ создаетъ Италіанское королевство, которое должно было служить основаніемъ цѣлости всей Италіи, то вдругъ опять дробитъ ее между разными владѣтелями; то признаетъ надъ собою власть папы, то вдругъ опять свергаетъ ее, переводитъ папу во Францію, и Римъ обращаетъ въ департаментъ Французской имперіи. Оттого-то все сдѣланное Наполеономъ I для Италіи, было такъ непрочное, что пало вмѣстѣ съ паденіемъ самаго императора. Но тѣмъ не менѣе французское владычество оставило свои слѣды въ Италіи. Оно забросило, такъ сказать, въ сердца Италіанцевъ первую мысль о томъ, что Италія общее ихъ отечество, что единство Италіи не невозможно; оно ввело у нихъ французское законодательство и французскія учрежденія, которыя научили Италіанцевъ управляться самобытно, дали имъ возможность познать самихъ себя и свои си-

лы. Съ этихъ поръ, въ Италіи болѣе рѣзко начинаетъ проявляться мысль о самостоятельности, о независимости. Сами Австрійцы поддерживали это направленіе. Еще при началѣ компаніи 1809 года, эрцгерцогъ Іоаннъ, говорилъ имъ въ своей прокламаціи:— «Королевство Италійское, — это одна фраза; наборы, подати, всякаго рода притѣсненія, уничтоженіе вашей самобытности, очевидны и при такомъ положеніи вы не можете ни заслужить уваженія, ни поддержать мира, не можете наконецъ оставаться Италіанцами. Хотите ли быть снова Италіанцами?» Тоже самое говорили имъ Австрійцы и въ 1813 году. Что жъ удивительнаго, что, увлекаясь сладкими рѣчами, Италіанцы не оказали того полнаго содѣйствія и сочувствія, которое могли бы оказать принцу Евгенію Богарне, при его геройской защитѣ Италіи въ 1813 и 1814 годахъ. Они возложили свои надежды на Австрійцевъ, ожидая, что тѣ избавятъ ихъ отъ французской зависимости, но забыли о томъ, что Австріи нужно было вознагражденіе за ея двадцати-лѣтнюю борьбу съ Франціей. Вознагражденіемъ этимъ и послужили Ломбардо-Венеціанскія провинціи. 93 и 94 параграфами заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса, 9-го іюня 1815 года, вся сѣверо-восточная часть Италіи между рѣками По и Тичино до Адриатическаго моря, отданы въ полное и наследственное владѣніе Австріи. Но спрашивается, на какомъ основаніи послѣдовало это рѣшеніе? Чтò общаго имѣла Австрія съ Италіей? Рѣшительно ничего. Австрія, занимавшая Италію въ 1814 и 1815 годахъ, не могла уже возобновить тѣхъ притязаній на Миланъ, какія имѣла прежде, когда глава ея былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главою Германской имперіи. Титуль и званіе Германскаго императора были уничтожены еще въ 1806 году. Затѣмъ единственное право Австріи на Италію заключалось въ рѣшеніи державъ, участвовавшихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ, Австрія явилась среди Италіанцевъ совершенно чуждымъ для нихъ элементомъ, явилась въ то время, когда идея независимости и отдѣльной національной самостоятельности пропикла уже въ сердца Италіанцевъ. Отсюда и произошла эта непрерывная борьба, между властію Австрійцевъ съ одной стороны, властію, дѣйствующею тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ сильнѣе проявлялось сопротивленіе ей, и между чувствомъ національнаго самосознанія, которое, разъ возродившись, никогда уже не угасало, а напротивъ, во всякомъ противодѣйствіи почерпало лишь новую для себя силу.

Борьба эта и не должна удивлять никого. Она была прямымъ неизбежнымъ слѣдствіемъ исторической судьбы и политическаго состава Австріи. Сложившись изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ въ племенномъ отношеніи, держава эта страшится всего, что только можетъ содѣйствовать пробужденію силы и самосознанія составляющихъ ея народовъ. Оттого она старается уничтожать и подавлять все, что хоть сколько нибудь льститъ чувству національности; оттого, всѣми народами, ее составляющими, Австрія управляется иначе, какъ черезъ самую Вѣну. Эта-то политика была примѣнена и къ Италіанскимъ владѣніямъ и выразилась вполнѣ въ двухъ главныхъ результатахъ: въ совершенномъ удаленіи Италіанцевъ отъ всякаго участія въ гражданскихъ дѣлахъ ихъ родины, и въ созданіи среди нихъ мелкаго, рутиннаго нѣмецкаго чиновничества, которое охватило всю Ломбардо-Венецію, вторгается всюду, въ самую домашнюю жизнь гражданъ, и подвергаетъ ихъ постоянному, самому мелочному надзору. Очевидно, что чувство національной гордости Италіанцевъ не могло не оскорбляться подобною политикою, тѣмъ болѣе, что они видѣли, что удаляя ихъ отъ участія въ дѣлахъ гражданскихъ, австрійское правительство налегло на ихъ всей тяжести общественныхъ налоговъ и податей. Спрашивается, какихъ результатовъ можно было ожидать отъ подобнаго положенія дѣлъ? Неудовольствіе Италіанцевъ все болѣе и болѣе возрастало и усиливалось; исключенные изъ круга общественной дѣятельности, они стали углубляться въ самихъ себя, стали предаваться праздности—составлять заговоры. Каждый неудавшійся заговоръ, каждый новый неловкій шагъ Австрійцевъ, еще болѣе раздражалъ Италіанцевъ, волновалъ ихъ; каждое подобное волненіе съ ихъ стороны было принимаемо Австрійцами за опасные мятежные симптомы, которые были подавляемы строго, иногда даже жестоко. При такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ обиліи горючихъ матеріаловъ, достаточно было только одной искры для того, чтобы произвести всеобщій пожаръ. Искрой этой могъ служить часто самый незначительный случай. Какое нибудь измѣненіе въ монетной системѣ, незначительное увеличеніе набора или податей, вполнѣ достаточно для того, чтобы произвести обшій взрывъ затаеннаго неудовольствія.

Но для Австрійцевъ было недостаточно подавлять всѣ проявленія національнаго духа въ одной только Ломбардо-Венеціи; они очень хорошо сознавали, что еслибы италіанская національ-

ность пробудилась на всемъ остальномъ протяженіи полуострова, еслибы Неаполитанцы, Тосканцы, Сардинцы получили права, въ которыхъ они нуждаются и на которыя имѣютъ полное право, тогда, конечно, и Вѣнскій кабинетъ долженъ былъ бы измѣнить свою эгоистическую политику, относительно италіанскихъ своихъ подданныхъ. Для того, чтобы предотвратить самую возможность подобныхъ результатовъ, австрійское правительство вознамѣрилось подчинить полному своему влиянію всѣ остальные италіанскія правительства. Посмотримъ, въ какой степени оно достигло этого.

На основаніи рѣшенія Вѣнскаго конгресса 1815 года, вся остальная Италія, за исключеніемъ Ломбардо-Венеціи, отошедшей къ Австріи, должна была состоять изъ самостоятельныхъ государствъ, королевства Сардинскаго и Неаполитанскаго, Папской области, великаго герцогства Тосканскаго и герцогствъ Пармскаго и Моденскаго. Въ предѣлахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ, Австрія имѣла право содержать только гарнизоны, а именно въ крѣпостяхъ: Піаченцѣ, Феррарѣ и Комаккіо, какъ пунктахъ, важныхъ относительно обороны ломбардо-венеціанскихъ владѣній. Но вотъ, почти немедленно послѣ Вѣнскаго конгресса, Австрія заключаетъ рядъ договоровъ съ италіанскими государями, договоровъ, которые, буквально говоря, совершенно уничтожаютъ всякую самостоятельность италіанскихъ государствъ и подчиняютъ ихъ полному влиянію Вѣнскаго кабинета. Такъ 12-го іюня 1815 года, заключенъ съ Тосканою оборонительно-наступательный союзъ, постоянная цѣль котораго «обезпечить, какъ внутреннее спокойствіе Италіи, такъ и виѣшнюю ея безопасность». Еще болѣе выразилось влияніе Австріи въ договорѣ, заключенномъ ею, 12-го іюля 1815 года, съ королемъ Неаполитанскимъ. Секретная статья этого договора заключала въ себѣ слѣдующее:

«Обязательства, принятыя на себя ихъ величествами этимъ договоромъ, съ цѣлю обезпечиванія внутренняго спокойствія Италіи, ставятъ имъ въ обязанность предохранять свои владѣнія и своихъ подданныхъ отъ всякаго возвращенія къ прежнему порядку и отъ всякихъ опасныхъ и неосторожныхъ нововведеній, которыя могли бы повести къ этому возвращенію; вмѣстѣ съ этимъ условлено между высоко-договаривающимися сторонами, что его величество, король Обѣихъ Сицилій, возстапозвля королевское правптельство, не станетъ предпринимать

такихъ измѣненій, которыя бы не согласовались съ началами монархическими, или же съ началами, принятыми Его Императорскимъ Величествомъ, для внутренняго управленія его италіанскихъ владѣній». — Такимъ образомъ, король неаполитанскій лишилъ себя одного изъ главнѣйшихъ правъ каждаго самобытнаго государя, права дѣлать измѣненія въ государственномъ управленіи, сообразно съ потребностями своихъ подданныхъ. Оттого-то государь этотъ, связанный подобнымъ обязательствомъ, въ теченіе сорока лѣтъ не внималъ ни желанію своихъ подданныхъ, ни совѣтамъ своихъ министровъ и приближенныхъ, ни наконецъ самымъ настойчивымъ представленіямъ Франціи и Англии. Австрія сдѣлала изъ этого государя и его преемниковъ—постояннаго соучастника своей италіанской политики.

Затѣмъ, съ герцогствами Пармою и Моденою, кромѣ торговыхъ трактатовъ, весьма ловко составленныхъ, Австрія заключила въ 1847 и 1848 годахъ, еще и оборонительно-наступательные договоры, на основаніи которыхъ оба герцогства вошли въ оборонительный районъ Австріи. Договоры эти даютъ право послѣдней постоянно вмѣшиваться въ дѣла этихъ владѣній, занимать ихъ земли и крѣпости во всякомъ случаѣ, когда она найдетъ это нужнымъ, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, или внѣшней опасности. Полную силу эти трактаты получаютъ въ Моденѣ, герцогъ которой, австрійскій эрцгерцогъ, фельдмаршалъ австрійской службы и шефъ австрійскаго полка, скорѣе можетъ назваться Австрійцемъ, чѣмъ истинно италіанскимъ государемъ. Напротивъ того, правительница герцогства Пармскаго, хотя и подчиняется по необходимости вліянію Австріи, но болѣе другихъ государей противится этому вліянію, такъ между прочимъ она вовсе не позволяетъ Австрійцамъ содержать гарнизоны въ предѣлахъ герцогства.

Наконецъ и власть папы не могла уйти отъ вліянія Вѣнскаго кабинета. Конкордатъ, заключенный 18-го августа 1855 года, между Римомъ и Австріей, вмѣстѣ только внѣшность договора, касающагося о одной религіи; въ сущности это чисто политическій трактатъ, который, подъ покровомъ возстановленія правъ церкви, посягнулъ на самую независимость свѣтской власти папы.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ трактатовъ, италіанскія государства, самостоятельныя по смыслу акта Вѣнскаго конгресса, постанов-

лены были въ прямую, непосредственную зависимость отъ Австріи. Одно только Сардинское королевство успѣло ускользнуть отъ этой зависимости, но и оно подчинялось ей довольно продолжительное время. Когда, послѣ уничтоженія владычества Французовъ въ Италіи, король Викторъ Эммануилъ I вступилъ въ Туринъ, то восторгу народа не было предѣловъ. Но въ тоже время сближенію короля съ народомъ помѣшали австрійскія войска, которыя ввели государя въ городъ. Оказалось, что король остался такимъ же, какимъ былъ и до отъѣзда на островъ Сардинію, но народъ значительно возмужалъ въ это время. Викторъ Эммануилъ по слабости своего характера и связанный родствомъ своимъ съ австрійскими императорами (*), не могъ удовлетворить пламеннымъ желаніямъ своихъ подданныхъ. А между тѣмъ неудовлетвореніе этихъ желаній повело къ волненіямъ 1821 года, которыя кончились отреченіемъ Виктора Эммануила отъ престола, въ пользу брата своего Карла Феликса. Для окончательнаго восстановленія порядка въ Пиемонтѣ, призваны были Австрійцы, которые и оставались въ немъ съ весны 1821 до осени 1823 года. Новый государь былъ слабъ и безхарактеренъ для того, чтобы свергнуть съ себя зависимость Австріи и даровать своему народу болѣе свободныя учрежденія. Только при смерти своей (въ 1831 году), онъ оказалъ нѣкоторую твердость, назначивъ наследникомъ своимъ принца Кариньянскаго, Карла-Алберта, представителя младшей линіи Савойскаго дома. Назначеніе это было совершенно противно видамъ Австріи, которая, будучи поддерживаема іезуитами и пиемонтскимъ духовенствомъ, желала возвести на Сардинскій престолъ одного изъ своихъ эрцгерцоговъ. Особенно же Вѣнскому кабинету не могъ нравиться Карлъ-Албертъ, который отличался своимъ либеральнымъ направленіемъ, участвовалъ въ волненіяхъ 1821 года, за что и былъ удаленъ изъ отечества, и который, наконецъ, постоянно считался главою и надеждою національной партіи. Возведеніе подобнаго принца на престолъ Сардиніи должно было показать Австріи, что Пиемонтъ сдѣлается вскорѣ опаснымъ противодѣйствителемъ ея италіанской политики. Вѣнскій кабинетъ не могъ не предвидѣть, что если Пиемонтъ освободится изъ-подъ ея вліянія,

(*) Викторъ Эммануилъ женатъ былъ на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи Терезѣ; одна изъ дочерей его была въ замужествѣ съ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ I.

то онъ не замедлитъ сдѣлаться центромъ, около котораго соберутся всѣ, для кого дорога независимость Италіи и кто ненавидитъ австрійское владычество. Вслѣдствіе этихъ соображеній, надобно было употребить всѣ усилія, всѣ явныя и тайныя пружины своей политики, для того, чтобы разрушить тѣ надежды, которыя возлагала на Карла-Алберта либерально-народная партія. И Австріи отчасти удалось это. Не имѣя возможности дѣйствовать на Сардинію прямо, непосредственно, она избрала другой путь, черезъ посредство папы и духовенства. Представить папѣ всю опасность либеральныхъ учреждений, было весьма легко; непремѣннымъ слѣдствіемъ конституціонныхъ началъ духовенство считало свободу совѣсти, свободу вѣрованій, протестантизмъ, безвѣріе... При такомъ взглядѣ на вещи, духовенство весьма легко поддавалось вліянію Вѣнскаго кабинета и окружило Карла-Алберта своими тайными интригами. Въ тоже время и сардинскіе придворные не могли равнодушно смотрѣть на либеральныя стремленія короля, и всячески старались имъ противодействовать. Положеніе Карла-Алберта было самое затруднительное; но за всѣмъ тѣмъ онъ сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы по крайней мѣрѣ дать нѣкоторыя права своему народу, хоть сколько нибудь улучшить его положеніе, подготовить его къ принятію болѣе полныхъ конституціонныхъ началъ. Онъ упрощаетъ администрацію отдѣльныхъ провинцій, учреждаетъ провинціальныя и муниципальныя совѣты, создаетъ государственный совѣтъ. Но враги его, стоявшіе почти на всѣхъ ступеняхъ государственнаго управленія, разстраиваютъ постоянно всѣ его благія намѣренія. Такимъ образомъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, король понималъ и сознавалъ нужды своего народа, отъ всей души желалъ удовлетворить имъ, но не смѣлъ, будучи сдерживаемъ вліяніемъ на него духовенства—вліяніемъ, направленнымъ изъ Вѣны черезъ Римъ.

Въ 1846 году, въ Римѣ былъ избранъ въ папы Пій IX, на котораго вся Италія стала возлагать надежды, что онъ укажетъ путь къ возрожденію независимости италіанской національности. И дѣйствительно, надежды эти оправдались. Во всѣхъ государствахъ Италіи начался рядъ гражданскихъ преобразованій, которыя, конечно, не могли нравиться Австріи. Но голосъ ея терялъ уже свою силу. Италіанцы дружно соединились для того, чтобы отстаивать свою независимость противъ притязаній Австріи. Карлъ Албертъ является во главѣ арміи, которая идетъ поддер-

жать возстаніе Ломбардо-Венеціанцевъ противъ Австріи. Всеобщій восторгъ сопровождаетъ его первые успѣхи; но успѣхомъ этимъ онъ былъ обязанъ преимущественно слабости Австрійцевъ въ Италіи. Не имѣя блистательныхъ воинскихъ дарованій, съ арміей, имѣющей въ себѣ очень мало воинственнаго духа, съ генералами, изъ которыхъ большая половина никогда не видала боя, а другая состояла изъ иностранцевъ, авантюристовъ, которые не могли имѣть вліянія на войска, — Карлу-Алберту трудно было противостоятъ Австрійцамъ, армія которыхъ была хорошо организована и находилась подъ начальствомъ обожаемаго солдатами фельдмаршала графа Радецкаго. При томъ же, сардинская армія, не имѣя правильно, хорошо устроенныхъ резервовъ, несла одиѣ только потери, а если и усиливалась новыми подкрѣпленіями, то эти подкрѣпленія являлись составленными изъ волонтеровъ и конскриптовъ, которые не могли устоять противъ старыхъ, опытныхъ австрійскихъ войскъ. Наконецъ, вся компанія была исполнена ошибокъ, происходящихъ отъ самого короля. Ему предстояло одно изъ двухъ: — или дѣйствовать рѣшительно, стараясь войти въ связь съ возставшей противъ Австрійцевъ Венеціей и своей энергіей поддержать тотъ духъ, который въ началѣ возстанія выказался между Ломбардо-Венеціанцами; или же, дойдя до Минчіо, заняться устройствомъ своей арміи, обезпечить довольствіе, подготовить вѣрные источники для ея пополненія, обратить вниманіе на обученіе волонтеровъ и правильную организацію ихъ. Карлъ Албертъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго; терялъ время въ безплодныхъ движеніяхъ, утѣшая себя незначительными побѣдами, одержанными надъ Австрійцами. А между тѣмъ армія его видимо растроивалась въ этихъ передвиженіяхъ; народное возстаніе по частямъ было усмиряемо въ венеціанской провинціи, и австрійскія войска все болѣе и болѣе усиливались. Ко всему этому стало присоединяться еще и разьединеніе самыхъ Италіанцевъ. Въ то время, когда Италія была еще далека оттого, чтобы упрочить свою независимость, уже стали являться споры о томъ, какъ устроить эту независимость; вмѣсто того, чтобы дружно, энергически соединить свои усилія противъ общаго врага италіанской независимости, Италія распадается на два враждебные лагерьа, монархистовъ и республиканцевъ, которые взаимно стараются вредить другъ другу. Очевидно, что при такомъ отсутствіи единства, дѣло независимости Италіи должно было пасть. Вмѣсто спокойной, но энергической борьбы, вся

Италія подвергается полной анархіи, которая даетъ право врагамъ независимости Италианцевъ сказать съ упрекомъ: — «Вотъ къ чему ведетъ ваша свобода; не лучше ли наше отеческое управленіе вами, управленіе, которое держитъ васъ на помочахъ, не даетъ вамъ ступить лишняго шагу, но за то предохраняетъ отъ всякихъ волненій, отъ беспорядковъ». Напрасно Маццини, одинъ изъ главныхъ предводителей республиканской партіи, прибывъ въ Римъ въ мартъ 1849 года, восклицаетъ: — «Пусть Италія раздѣлится на двѣ стороны: на тѣхъ, которые хотятъ войны, и на тѣхъ, которые опасаются ея; пусть республиканскій Римъ сражается рядомъ съ монархическимъ Пиемонтомъ», напрасенъ восторгъ встрѣтившій это воззваніе: дѣло независимости Италиі было уже проиграно на равнинахъ Сѣверной Италиі. Карлъ-Албертъ уже долженъ былъ думать о защитѣ родовыхъ своихъ владѣній; наконецъ рядъ новыхъ ошибокъ со стороны Пиемонтцевъ и прекрасныя соображенія графа Радецкого, рѣшаютъ участь сардинской арміи, главной опоры независимости, на поляхъ Новарры. Карлъ-Албертъ отказывается отъ престола въ пользу сына своего Виктора-Эммануила II.

Такъ кончилась эта неудачная попытка освобожденія Сѣверной Италиі; но урокъ, полученный Сардиніей, не пропалъ для нея даромъ. Кажется, въ самыхъ неудачахъ своихъ 1848 и 1849 годовъ, она почерпнула новую силу и энергію для новой борьбы. Тогда же предсѣдатель совѣта министровъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Италиі, маркизъ д'Азильо, писалъ слѣдующее: — «Чтобы видѣть, гдѣ остановиться и осмотрѣться, надо низринуться въ самую глубину пропасти; тогда снова начнемъ, но не я уже соберу плоды; впрочемъ, будемъ помнить, что истинная любовь къ отечеству заключается въ жертвахъ, а вовсе не въ радостяхъ». И дѣйствительно, въ 1849 году, Сардинія испила всю чашу горестей до дна, но она и осмотрѣлась, что составляло главную горечь этой чаши, и затѣмъ снова начала свою неутомимую дѣятельность противодѣйствія австрійской политикѣ въ Италиі. Тотчасъ же послѣ Новарскаго пораженія, Викторъ-Эммануилъ распускаетъ палату депутатовъ, въ которой преобладала республиканская партія, и созываетъ новую, въ которой уже преобладалъ элементъ умѣренно-либеральный. Въ теченіе десяти лѣтъ, правительство короля неутомимо печется о развитіи благосостоянія страны и водвореніи въ ней на прочномъ основаніи конституціонныхъ началъ,

которыя были бы вѣрнымъ охраненіемъ для страны, противъ всякихъ преждевременныхъ попытокъ республиканской партіи. И дѣйствительно, Сардинія достигаетъ этого; конституція ея получаетъ полное развитіе и утверждается въ странѣ почти на столь же прочныхъ основаніяхъ, какъ въ Бельгіи и Великобританіи. Но всего этого мало еще для Сардиніи; ей нужно обратить вниманіе всей Европы на себя, а черезъ себя и на Италію, нужно приучить войска свои къ боевой жизни, загладить въ нихъ тотъ упадокъ духа, который долженъ былъ быть непремѣннымъ слѣдствіемъ неудачной компаніи 1848 и 1849 годовъ. Съ этой цѣлю Сардинія принимаетъ открытое участіе въ восточной войнѣ; ея войска въ Крыму сражаются рядомъ съ войсками французскими и англійскими; наконецъ на Парижскомъ конгрессѣ представитель Сардиніи засѣдаетъ рядомъ съ представителями первостепенныхъ державъ Европы. Здѣсь же Сардинія прямо представляетъ на судъ этихъ представителей положеніе Италиіи и требуетъ вмѣшательства въ ея дѣла европейской политики. Вотъ что говорятъ, между прочимъ, сардинскіе представители въ дипломатической нотѣ, врученной ими 16-го апрѣля 1856 года представителямъ Франціи и Англии, графу Валевскому и лорду Кларендону:

«Реакція и система строгости, принятыя въ 1848 и 1849 годахъ и оправдываемыя тогда революціонными волненіями, продолжаютъ и до настоящаго времени. Можно сказать даже, что, съ нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, строгость эта еще усилилась. Никогда еще не было такого множества политическихъ преступниковъ, сосланныхъ на работы, или заключенныхъ въ тюрьмы; ссылки никогда еще не получали столь полнаго развитія; никогда еще политика не употребляла столь крутыхъ мѣръ. Происшествія въ Пармѣ достаточно доказываютъ это. Подобныя средства для управленія краемъ, неизбѣжно должны поддерживать въ народѣ постоянное раздраженіе и революціонное волненіе. Таково положеніе Италиіи въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ».

И эта картина не преувеличена, дѣйствительно таково было положеніе Италиіи, не только въ одной Ломбардо-Венеціи, но и на всемъ полуостровѣ, вездѣ, гдѣ Австрія поддерживала свое вліяніе. Мы видѣли уже какъ утвердилось оно. Но сверхъ того, занимая своими войсками сѣверныя части Папской области, герцогства Парму и Модену, Австрія сдѣлалась почти обладатель-

лицею всей Италіи, нарушая такимъ образомъ условія Вѣнскаго конгресса и постоянно угрожая Піемонту.

«Оруженный со всѣхъ сторонъ Австрійцами», говорится въ вышеприведенной нами нотѣ, «видя на своей восточной границѣ постоянное усиленіе военныхъ силъ державы, которая не отличается расположеніемъ къ нему, Піемонтъ долженъ оставаться въ непрерывномъ опасеніи, что принуждаетъ его содержать на великій случай въ готовѣ армию и прибѣгать къ чрезвычайнымъ оборонительнымъ средствамъ, которыя тягостны для его финансовъ, и безъ того уже сильно потрясенныхъ войною 1848 и 1849 г. и восточною».

Такимъ образомъ, Сардинія возвысила голосъ въ пользу Италіи; передъ аренагомъ цѣлой Европы протестовала противъ политики Вѣнскаго кабинета въ Италіи. Но протестъ этотъ не принесъ никакихъ результатовъ. Франція предприняла было попытку соединиться съ Австріей для того, чтобы настоять на необходимости различныхъ измѣненій въ управленіи Папской области и Неаполитанскаго королевства, какъ частей Италіи, наиболѣе нуждающихся въ преобразованіяхъ. Императоръ Наполеонъ III составилъ даже проектъ этихъ преобразованій для Папской области и лѣтомъ 1857 года препроводилъ его на разсмотрѣніе Вѣнскаго кабинета, который сдѣлалъ въ этомъ проектѣ такія преобразованія, что Франція рѣшилась лучше ничего не дѣлать, чѣмъ давать Италіанцамъ самыя скудныя измѣненія, которыя не могли бы имѣть никакихъ результатовъ. Дѣйствительно, Австрія, какъ мы видѣли уже, не можетъ допускать въ Италіи преобразованій, которыя были бы несогласны съ принятой ею политикою въ Ломбардо-Венеціи; по необходимости она должна противиться всѣмъ нововведеніямъ; это составляетъ одно изъ существенныхъ условій ея политическаго вліянія въ Италіи. Такимъ образомъ протестъ Сардиніи и нацѣренія Парижскаго конгресса улучшить положеніе Италіанцевъ не имѣли успѣха.

Но могутъ сказать, что сама Австрія исподволь, постепенно можетъ улучшать положеніе своихъ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній и тѣмъ привязать ихъ къ себѣ. Дѣйствительно, въ послѣднее время, съ назначеніемъ эрцгерцога Максимилиана вице-королемъ Ломбардо-Венеціи, управленіе этими областями, какъ будто бы нѣсколько улучшилось, а главное смягчилось. Но всего этого еще крайне недостаточно, чтобы изгладить ту вражду, которую Италіанцы питаютъ къ Австрійцамъ. Притомъ же Ав-

стрія слишкомъ далеко зашла для того, чтобы поправить дѣло; теперь всякая уступка съ ея стороны повела бы еще къ болѣе-шей требовательности со стороны ея Ломбардо-Венеціанскихъ подданныхъ, а потому Вѣискій кабинетъ по необходимости вынужденъ вмѣстѣ съ смягченіемъ своей политики, усиливать свой надзоръ за Италіанцами, а слѣдовательно и ту военную силу, которую онъ поддерживаетъ въ Италіи. Это обстоятельство не можетъ не беспокоить также и Піемонта, который видитъ въ усиленіи Австріи постоянную для себя угрозу и долженъ съ своей стороны также принимать мѣры, чтобы быть готовымъ противъ всякой случайности. Такимъ-то образомъ, неизбежно, неминуемо должно было послѣдовать столкновение между этими двумя сосѣдями. Конечно, нельзя сказать, чтобы въ политикѣ Піемонта не было и другихъ какихъ нибудь постороннихъ мыслей, кромѣ желанія освободить Италію отъ чужеземнаго вліянія. Очень быть можетъ, что въ ней скрываются и замыслы увеличенія своихъ собственныхъ владѣній на счетъ Австріи, но во всякомъ случаѣ замыслы эти чрезвычайно ловко прикрыты благородною и возвышенною цѣлію освобожденія Италіи; къ тому же, если бы Піемонтъ отказался отъ руководящей его цѣли, то нѣтъ сомнѣнія, что раньше или позже, но и онъ подпалъ бы подъ полное вліяніе Австріи.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до наступленія текущаго года. Съ начала нынѣшняго года вооруженія какъ Сардиніи, такъ и Австріи стали принимать все болѣе и болѣе обширные размѣры; обоюдное раздраженіе съ каждымъ днемъ усиливалось журналистикою, какъ австрійскою, такъ и піемонтскою. Наконецъ общее раздраженіе стало появляться и въ оффиціальныхъ кругахъ. При открытіи Сардинскихъ палатъ, Викторъ Эммануилъ по обыкновенію сказалъ рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе не только въ одной Италіи, но и въ цѣлой Европѣ. Можно сказать, что почти вся внѣшняя политика Сардиніи, если не затаенная, то по крайней мѣрѣ явная, выразилась въ заключительныхъ словахъ рѣчи, особенно въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ король сознается, что положеніе Сардиніи не безопасно, такъ какъ она, «при всемъ уваженіи своемъ къ договорамъ, не можетъ не внимать также и тѣмъ болѣзненнымъ воплямъ, которые раздаются со всѣхъ концовъ Италіи».

Уже одной этой рѣчи было достаточно, чтобы возбудить опасенія Австріи, заставить ее увеличить свои силы въ Ломбардіи.

Но почти одновременно съ открытіемъ туринскихъ палатъ, случилось и другое весьма знаменательное событіе:—это бракъ принца Наполеона, двоюроднаго брата императора Французовъ, съ дочерью короля Сардинскаго, принцессою Клотильдою. Слѣдствіемъ этого брака былъ договоръ между Франціей и Сардиніей, по которому первая обязалась содѣйствовать послѣдней въ случаѣ войны ея съ Австріей. Нѣтъ сомнѣнія, что договоръ этотъ существовалъ еще и ранѣе брака принца Наполеона, но только о существованіи его не было извѣстно.

При такомъ положеніи дѣлъ, надо было ожидать, что въ самомъ короткомъ времени война сдѣлается неизбежною. Но Европа не теряла надежды на сохраненіе мира и готова была употребить всѣ усилія для поддержанія его. Англія дѣлаетъ первыя попытки къ тому; лордъ Коулей, искусный и ловкій дипломатъ, которому хорошо извѣстна политика, какъ Вѣнскаго, такъ и Парижскаго кабинетовъ, начинаетъ свои разгѣзды между Лондономъ, Парижемъ и Вѣною. Но всѣ эти переговоры только тянутъ время и заинтересованныя въ итальянскомъ вопросѣ державы продолжаютъ дѣлать свои приготовленія и вооруженія. Наконецъ Россія предлагаетъ конгрессъ, на которомъ итальянскій вопросъ могъ бы быть рѣшенъ во всей его полнотѣ. Но прежде чѣмъ созывать конгрессъ, необходимо нужно опредѣлить, изъ кого будетъ онъ составленъ, нужно ли допустить въ него представителей итальянскихъ государствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо также на все время засѣданій конгресса предотвратить самую возможность столкновенія между враждующими сторонами. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ встрѣтило не маловажныя затрудненія, такъ что, если предложеніе европейскаго конгресса дѣйствительно возбудило надежды на миръ, то съ другой стороны рѣшеніе этихъ прелиминарныхъ условій сдѣлало надежды на него совершенно несбыточными. Не будемъ слѣдить за всѣми фазами этихъ переговоровъ, не станемъ высчитывать всѣхъ дипломатическихъ нотъ, которыя были размѣнены между различными кабинетами, скажемъ только, какое впечатлѣніе онѣ произвели на общественное мнѣніе. Въ началѣ года общественное мнѣніе, преимущественно въ Англіи, было почти прямо вооружено противъ Піемонта. Неизбѣжность войны приписывали преимущественно политикѣ настоящаго главы Туринскаго кабинета, графа Кавура; противъ него существовала сильная партія и въ Европѣ и въ самой Сардиніи. Конечно, никто не оправды-

валъ и политики Австріи, но, по крайней мѣрѣ, политика эта не нарушала общаго спокойствія Европы, не тревожила торговыхъ расчетовъ Англіи. Но наконецъ ноты австрійскаго министра графа Буоля стали принимать столь рѣзкій тонъ, что мало по малу раздражили даже Англичанъ противъ Вѣнскаго кабинета; въ нихъ такъ много натянутости, такъ много доводовъ, которыми врядъ ли повѣрятъ даже самые коренные Австрійцы; на-примѣръ, въ одной изъ депешъ графа Буоля къ Австрійскому посланнику въ Лондонѣ, графу Аппони, между прочимъ говорится, что если Австрія до настоящаго времени не сдѣлала никакихъ реформъ въ своихъ италіанскихъ владѣніяхъ, то всему этому виною одинъ «Туринскій кабинетъ, который уже нѣсколько лѣтъ, благодаря своему выгодному положенію и терпѣливости Европы, играетъ роль задиателя. Пусть соединенныя усилія государствъ воспрепятствуютъ ему продолжать эту роль и тогда», графъ Буоль не сомнѣвается, «что на всемъ полуостровѣ явятся нравственный миръ и тишина, изгоняемые постоянными возбужденіями Туринскаго кабинета. Только тогда папское правительство и другія правительства италіанскія будутъ въ состояніи заняться съ успѣхомъ улучшеніями. Тогда также благонамѣренныя совѣты Австріи помогутъ имъ въ этомъ дѣлѣ»

Наконецъ, самое дѣло о созваніи конгресса стало принимать болѣе опредѣленный видъ. Снова явилась надежда на поддержаніе мира. Англія выступила съ новыми предложеніями, которыя, казалось, должны были согласить обѣ стороны. Онѣ состояли въ томъ, чтобы произвести общее и одновременное обезоруженіе и поручить обсужденіе вопроса особой комиссіи, составленной изъ шести членовъ: по одному отъ главныхъ пяти державъ и отъ Сардиніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ соберется эта комиссія, долженъ былъ собраться и конгрессъ, на который предложено было пригласить представителей всѣхъ италіанскихъ государствъ, по примѣру Лайбахскаго конгресса 1821 года. Предложенія эти 20-го (8-го) апрѣля были приняты Франціею, Россіею и Пруссіею, но уже наканунѣ изъ Вѣны было послано приказаніе главнокомандующему австрійскою арміею, графу Гиулаю отправить въ Туринъ ультиматумъ графа Буоля, въ которомъ онъ проситъ графа Кавура «серьезно подумать о содержаніи этого письма, и отвѣчать *да* или *нѣтъ*: согласно ли сардинское правительство немедленно привести свою армію на мирное положеніе и распустить италіанскихъ волонтеровъ». Сроку для отвѣта дано было три дня.

Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ въ Туринъ адъютантомъ графа Пиулая, барономъ Келлербергомъ, въ пять съ половиной часовъ вечера 23-го (11-го) апрѣля; отвѣтъ на него переданъ отъ графа Кавура 26-го (14-го) числа, въ пять съ половиной часовъ вечера, а въ ночь этого же числа, австрійскія войска вступили въ предѣлы Сардиніи.

Такимъ образомъ, Австрія не выждала результатовъ посредничества Англіи, а открыто выступила на борьбу. Поступокъ ея окончательно раздражилъ противъ Вѣнскаго кабинета всю Европу и Англію въ особенности. Тактика Франціи и Сардиніи вполне достигла своей цѣли; обѣ эти державы желали войны, но хотѣли, чтобы Австрія начала первую и имъ вполне удалось это. Правда, что Австрія и не могла поступить иначе, и финансовое ея положеніе и наконецъ желаніе предупредить противниковъ побуждали ее къ этому, такъ какъ она видѣла, что войны миновать нельзя и что теперь или позже прійдется прибѣгнуть къ разрѣшенію этого вопроса оружіемъ.

Мы еще будемъ имѣть случай указать на то, извлекла ли Австрія для себя пользу изъ этого предупрежденія своихъ противниковъ; теперь же посмотримъ еще какія послѣдствія повела за собою австрійскій ультиматумъ.

Полученіе его Туринскимъ кабинетомъ уже было явнымъ признакомъ, что война неизбежна, а потому Франціи надо было поспѣшить на помощь своей союзницѣ; и дѣйствительно она не заставила себя ждать: 26-го числа утромъ, французскія колонны являются на трехъ пунктахъ Сардинскаго королевства, а къ вечеру того же числа Французы, перевезенные по желѣзной дорогѣ изъ Генуи, вступали уже въ Туринъ. Императоръ Наполеонъ съ удивительною быстротой дѣлаетъ всѣ распоряженія, необходимыя на время его отсутствія изъ Франціи, и 12-го мая уже прибываетъ въ Геную. Вместе съ тѣмъ имъ издана прокламація къ Французскому народу, въ которой онъ прямо говоритъ о цѣли предпринимаемой войны. «Франція не хочетъ завоеваній», говорится въ прокламаціи, — «она уважаетъ владѣнія и права нейтральныхъ державъ; но явно выказываетъ сочувствіе свое къ народамъ, томящимся подъ иноземнымъ гнетомъ. Австрійская политика желала бы господствовать до самыхъ Альпійскихъ горъ, но Франція хочетъ, чтобы Италия была свободна до Адриатическаго моря.»

Въ то же время, австрійскій главнокомандующій въ своей прокламаціи говоритъ :

«Піемонтцы!

«Переходя ваши границы, мы направлемъ наше оружіе не на васъ. Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая насиліемъ своимъ угнетаетъ васъ, возстаетъ противъ всякаго миролюбиваго слова и нарушаетъ права италянскихъ государствъ и Австріи. Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и умѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священны».

И такъ далѣе въ томъ же родѣ, наподобіе всѣхъ вообще прокламацій въ подобныхъ случаяхъ и австрійскихъ въ особенности. Можно полагать однако, что врядъ ли Піемонтцы повѣрятъ этимъ обѣщаніямъ, особенно послѣ того, что имъ пришлось испытать уже отъ австрійскихъ контрибуціи и реквизиціи.

Если Наполеонъ III-й въ своей прокламаціи обращаетъ особенное вниманіе на то, что Франція уважаетъ владѣнія и права нейтральныхъ державъ, то съ другой стороны Австрія вслѣдски старается внушить Европѣ и особенно Германіи совершенно другое понятіе о Франціи, Австріи вслѣдски хочется сдѣлать италянскій вопросъ обще-германскимъ дѣломъ. И, къ сожалѣнію, въ этомъ она находитъ себѣ сочувствіе во многихъ германскихъ государствахъ и преимущественно въ Баваріи, Виртембергѣ и Ганноверѣ. Пруссія до настоящаго времени еще не увлеклась ея доводами, а послѣдній австрійскій ультиматумъ, уничтожившій всякую надежду на миръ, еще болѣе, кажется, охладилъ сочувствіе Пруссіи къ Вѣнскому кабинету. Конечно, за будущее ручаться нельзя. Положеніе Пруссіи въ высшей степени щекотливо; она должна или поддерживать Австрію и тѣмъ сохранить свое вліяніе на Германскій Союзъ, или же, оставшись вполнѣ нейтральною, возстановитъ противъ себя большую часть членовъ Германскаго Союза. Впрочемъ, до настоящаго времени она кажется преимущественно держится втораго пути. Если ей удастся сохранить нейтралитетъ всей Германіи, тогда Австрія останется совершенно одна безъ всякихъ союзниковъ, потому что кромѣ Италіи она только можетъ рассчитывать на одну Германію. Что же касается самой Италіи, то тамъ тѣмъ болѣе у нея не будетъ союзниковъ,

особенно же въ народѣ. Герцогиня Пармская объявила полный нейтралитетъ; великій герцогъ Тосканскій хотѣлъ сдѣлать тоже самое, но народная партія уже не довольствовалась этимъ и Леопольдъ II-й долженъ былъ выѣхать изъ Флоренціи въ Вѣну. При этомъ небыло рѣшительно никакихъ безпорядковъ, все совершилось тихо и спокойно: учреждено временное правительство и признана диктатура Сардинскаго короля. Одинъ только герцогъ Моденскій, непосредственно поддерживаемый Австрійцами, держитъ ихъ сторону, но и въ его владѣніяхъ, южные округа Масса и Каррара склонились на сторону Пиемонта. Въ Папской области тоже сохраняется спокойствіе, поддерживаемое присутствіемъ французскихъ войскъ въ Римѣ. Чтоже касается Неаполя, то и отъ него скорѣе можно ожидать или полнаго нейтралитета, или же присоединенія къ Франко-Сардинскому союзу, но никакъ не содѣйствія Австріи, особенно же при вѣцареніи новаго короля Франциска II-го.

Изъ европейскихъ державъ одна только Англія готова была одно время оказать содѣйствіе Австріи, но и то не изъ сочувствія къ ней, а единственно для противодѣйствія вліянію Наполеона III. Но война вообще крайне непопулярна въ Великобританіи, а Австрія въ особенности не пользуется сочувствіемъ Англичанъ. Это и побудило англійское министерство принять строгій вооруженный нейтралитетъ.

Такимъ образомъ, одна изъ воюющихъ сторонъ, Австрія, все не имѣетъ до настоящаго времени союзниковъ. Что касается Франціи и Сардиніи, то онѣ конечно могутъ рассчитывать на сочувствіе къ своему дѣлу Италіанцевъ, но за тѣмъ, за предѣлами Италіи, не могутъ полагаться на поддержку никакой другой державы. Одно время были слухи, возбужденные англійскими журналами, что будтобы Франція заключила оборонительно-наступательный союзъ съ Россіей и Даніей. Европа дѣйствительно встревожилась этими слухами, но они были немедленно и вполне опровергнуты.

Такимъ образомъ до настоящаго времени въ войнѣ участвуютъ только три державы: Австрія, Франція и Сардинія. Если до самаго конца борьбы онѣ и останутся единственными дѣятелями, то нѣтъ сомнѣнія, что театръ войны ограничится одною Сѣверной Италіей.

Приступимъ къ разсмотрѣнію самаго театра войны; сперва посмотримъ, каковы естественныя его свойства, его топографія,

а потомъ уже обратимъ вниманіе на то, какія средства употреблена каждая изъ воюющихъ сторонъ, для того, чтобы какъ можно лучше воспользоваться мѣстными свойствами этой страны.

Въ географическомъ отношеніи Италія ограничивается Альпійскими горами и морями Адриатическимъ, Ионическимъ и Средиземнымъ. Для болѣе удобнаго изученія, ее раздѣляли и раздѣляютъ на нѣсколько частей, какъ то, на верхнюю и нижнюю, или же на сѣверную, среднюю и южную. Но всѣ эти раздѣленія болѣе или менѣе неудобны, если разсматривать Италію въ чисто военномъ отношеніи и въ особенности если принимать въ соображеніе настоящія политическія обстоятельства. Такъ, даже раздѣленіе, сдѣланное Наполеономъ I въ его прекрасномъ военно-географическомъ описаніи Италіи, на материковую, или сѣверную, собственно Аппенинскій полуостровъ и наконецъ острова, въ настоящее время не можетъ быть принято. Разсматривая Сѣверную Италію, нельзя отдѣлить отъ нея Савои и острова Сардиніи, которыя составляютъ весьма важныя пространства для Сардинскаго королевства; часть же Швейцаріи, вошедшая въ очерченную Наполеономъ материковую Италію, въ настоящее время сохраняетъ строгій нейтралитетъ, который, по всей вѣроятности, и не будетъ нарушенъ воюющими сторонами, а потому ее можно исключить изъ обозрѣваемаго пространства. Все это заставляетъ въ предлагаемомъ обзорѣ сѣверной части Италіи ограничиться тѣмъ пространствомъ, которое заключаетъ въ себѣ все Сардинское королевство, герцогства Парму и Модену, сѣверныя области (легатства Форли, Равенну, Болонью и Феррару) Папской области и наконецъ австрійскія владѣнія: Ломбардо-Венеціанское королевство и ту часть Иллиріи, которая простирается отъ рѣки Изонцо и Адриатическаго моря до Юлійскихъ Альпъ. Такимъ образомъ, разсматриваемое пространство ограничится на югѣ почти паралелю 44° сѣверной широты и будетъ заключать въ себѣ приблизительно болѣе 2,500 кв. миль, что составляетъ около $\frac{2}{5}$ всей Италіи. Сверхъ того, къ разсматриваемому пространству слѣдуетъ прибавить еще островъ Сардинію, имѣющую 439 кв. геогр. миль.

Альпійскія и частію Аппенинскія горы, охватывающія это пространство съ сѣвера, запада, а отчасти и съ юга, имѣютъ главное вліяніе на самую топографію его, на направленіе рѣкъ, характеръ мѣстности, распредѣленіе и занятія жителей, на сообщенія между различными частями его; а такъ какъ все это

оказываетъ весьма важное вліяніе и на веденіе войны, то необходимо рассмотретьъ всѣ эти условія, начавъ, конечно, съ тѣхъ горныхъ системъ, которыя придаютъ этому пространству главную его характеристику.

Наиболѣе возвышенныя точки разсматриваемаго пространства находятся въ такъ называемыхъ Пеннинскихъ Альпахъ, лежащихъ на тройной границѣ Піемонта, Савойи и Швейцаріи. Здѣсь подымаются главныя вершины Альпійскаго хребта—Мон-Бланъ (14,676 футъ) и Монъ-Роза (14,580 футъ). Отъ Пеннинскихъ Альпъ къ востоку отдѣляются Альпы Лепонтійскія и далѣе Восточныя, имѣющія разныя мѣстныя названія, а къ югу Альпы Западныя, раздѣляемыя обыкновенно на Грайскія, Коттійскія и Приморскія.

Альпы Пеннинскія и Лепонтійскія, ограничивая съ юга возвышенную долину верхней Роны, къ сторонѣ Италіи спускаются крутыми и короткими уступами, за южный предѣлъ которыхъ можетъ быть принята дорога, идущая изъ Ароны на Романьяно и Ивреа. Часть этой цѣпи горъ, по обѣ стороны Монъ-Розы, между Большимъ Сенъ-Бернаромъ и Симплономъ, представляеть одинъ изъ самыхъ дикихъ и малодоступныхъ хребтовъ. Отъ крайняго восточнаго предѣла Лепонтійскихъ Альпъ—горы Сплюгена, тянутся далѣе въ сѣверовосточномъ направленіи: Альпы Ретійскія, наполняющія своими отраслями весь Тироль и далѣе продолжающіяся до береговъ Дуная подъ названіемъ—Норическихъ. Ретійскія Альпы, при средней высотѣ своей въ 9,300 футъ, имѣютъ отдѣльныя точки, близко подходящія къ высочайшимъ Альпійскимъ вершинамъ, особенно же на пространствѣ между верховьями Инна, Адды и Адиджа. Здѣсь высота Ортелеръ имѣеть 14,466 футъ высоты; южные уступы этой громадной массы спускаются между Аддою и Гардскимъ озеромъ до самой Брестимъ и Бергамо. Вообще Ретійскія Альпы чрезвычайно изрѣзаны глубокими долинами, пропастьми, и представляютъ необыкновенное разнообразіе мѣстности совершенно дикой, но въ высшей степени живописной. У верховьевъ Эйзаха и Дравы, отъ Ретійскихъ Альпъ отдѣляются въ юговосточномъ направленіи Альпы Карнитійскія, которыя большою дугой охватываютъ всю сѣверную часть Адриатическаго моря отъ Вероны черезъ верховья Пиавы до Фіуме. Въ восточной своей части, онѣ носятъ названіе Альпъ Юлійскихъ и, значительно понижаясь, составляютъ переходъ къ горамъ Балканскаго полуострова. Высочайшія верши-

ны въ Каринтійскихъ Альпахъ едва достигаютъ высоты 10,000 футовъ.

На югъ отъ Монблана, по границѣ Савоинъ съ Пиемонтою, тянутся Альпы Грайскія до Монъ-Сениса, отсюда, частью по границѣ Пиемонта съ Франціей, черезъ Монъ-Женевръ до Коль-де-Визо, — Коттическія, и далѣе черезъ Коль-де-Тенда до Коль-ди-Аржантьеръ, — Альпы Приморскія. Альпы послѣднихъ трехъ наименованій, составляющія такъ называемыя Западныя Альпы, идутъ непрерывнымъ и весьма неширокимъ хребтомъ. Высота же ихъ, постепенно понижаясь отъ сѣвера къ югу, въ приморскихъ Альпахъ уменьшается до 8,000 и даже до 5,000 футовъ. Къ сторонѣ Италіи Западныя Альпы круто спускаются между долинами Доры Бальтеа и Доры Рипарты; къ югу же отъ послѣдней, уступы ихъ болѣе отлоги, а между По и Стурою отдѣляются отъ нихъ вѣтви, которыя подъ малоизвѣстнымъ названіемъ Монферратскихъ горъ наполняютъ волнообразною мѣстностію все пространство между По, средними и нижними частями Танаро. Къ сторонѣ же Савоинъ и Франціи Западныя Альпы опускаются постепенными террасами, которыя, понижаясь, доходятъ до Роны и до низовьевъ Дюрансы.

Почти на всемъ протяженіи своемъ, Альпы образуютъ непрерывный гребень, покрытый постояннымъ снѣгомъ, причѣмъ высота снѣжной линіи достигаетъ отъ 8—9,000 футовъ. Сверхъ того, отчасти въ предѣлахъ этой снѣжной линіи, а чаще всего ниже ея, находится еще множество глетчеровъ или ледниковъ, особенно часто встрѣчаемыхъ въ высокихъ горныхъ долинахъ. Наибольшее число ихъ попадаетъ между Монъ-Бланомъ и Бреннеромъ. Образование глетчеровъ и законы, по которымъ они существуютъ, до настоящаго времени еще съ точностію не опредѣлены, но одно, что не подлежитъ сомнѣнію, это постоянное движеніе ледниковъ отъ вершинъ горъ въ долины, движеніе весьма медленное, но тѣмъ не менѣе опасное, потому что весьма часто оно бываетъ причиною, что глыбы льду и снѣгу, потерявъ равновѣсіе, отрываются отъ главной массы, низвергаются въ долины и причиняютъ страшныя опустошенія. Кромѣ того, долины подвергаются часто большимъ опустошеніямъ отъ снѣжныхъ лавинъ, которыя отторгаются отъ снѣговой массы, вѣнчающей горы; особенно часты биваютъ паденія лавинъ осенью, вслѣдствіе сильныхъ метелей. Снѣговой Альпійскій хребетъ, на большей части своего протяженія, сопровождается еще боковыми хребта-

ми, не уступающими высотой главному, а отъ этихъ боковыхъ хребтовъ идутъ уже уступы, или контрфорсы, переходящіе въ разрядъ горъ второстепенныхъ. Оттого Альпы вообще занимаютъ весьма большое пространство въ ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до 400 верстъ.

Ниже полосы вѣчныхъ снѣговъ въ Альпахъ лежитъ полоса пастбищъ, или, такъ называемая, собственно Альпійская полоса, которая опускается до высоты 8, 6 и даже 5000 футъ. Здѣсь уже снѣгъ становится въ извѣстныя времена года, но такъ какъ полоса эта, или по свойству грунта, или по климату, неспособна еще къ воздѣлыванію и заселенію, то она и занята богатыми лугами, которые доставляютъ привольныя пастбища для многочисленныхъ стадъ жителей долинъ; такимъ образомъ, способствуя развитію скотоводства, полоса эта дѣлаетъ почти невозможными въ ней успѣхи земледѣлія. Однакожъ и здѣсь уже появляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жилья, преимущественно временныя, принадлежащія пастухамъ, а иногда на горныхъ дорогахъ отдѣльные монастыри, монахи которыхъ посвящаютъ себя на подаваніе помощи путешественникамъ, застигнутымъ въ горахъ метелью или непогодой. Въ весьма рѣдкихъ только мѣстностяхъ попадаются бѣдныя деревушки. Изъ такихъ жилыхъ мѣстъ особенно замѣчательна въ Пеннинскихъ Альпахъ деревня Альпе-Бета, какъ высочайшее жилое мѣсто въ Европѣ, на 7,158 футъ надъ поверхностію океана.

Ниже полосы пастбищъ, начинаются уже лѣса, постепенно переходящіе въ полосу хлѣбопашества. Здѣсь замѣчательно рѣзкое различіе между сѣверными и южными контрфорсами Альпъ. Южные, вообще говоря, болѣе круты, но на нихъ растительность гораздо богаче и болѣе развита, чѣмъ на сѣверныхъ, которые спускаются болѣе отлого, но имѣютъ климатъ суровый. Вслѣдствіе того южные скаты сплошь почти покрыты садами и виноградниками, между тѣмъ какъ сѣверные, на гораздо меньшихъ высотахъ, не производятъ уже винограда, а покрыты только лѣсомъ и заняты подъ хлѣбопашество. Чтожъ касается степени проходимости Альпійскихъ горъ, то главнымъ препятствіемъ, какъ мы увидимъ ниже, можетъ считаться только главный снѣговой кряжъ; боковые же уступы и контрфорсы не представляютъ для сообщеній почти никакихъ особенныхъ затрудненій.

У Коль-де-Аржантьерь, Приморскія Альпы связываются съ хребтомъ Аппенинскимъ, который, обогнувъ сѣверную часть Генуэзскаго залива, подъ разными мѣстными названіями, направляется далѣе въ юговосточномъ направленіи, вдоль всего полуострова и служитъ водораздѣльною линіею между рѣками, впадающими въ Адриатическое море съ одной, и въ Тиренское съ другой стороны. Высота Аппенинскаго хребта, незначительная около береговъ Генуэзскаго залива (до 3,000 футъ), постепенно увеличивается по мѣрѣ приближенія къ югу; такъ въ Тосканѣ онъ подымается уже до 6,000 футъ, въ Абрुццо и Калабріи до 7,000 и наконецъ, перейдя Мессинскій проливъ, достигаетъ въ Сициліи наибольшей высоты, именно гора Этна имѣетъ 11,000 ф.; это единственная точка хребта, доходящая до снѣговой линіи. Самая производительность и степень проходимости Аппенинскихъ горъ въ различныхъ частяхъ ихъ весьма не одинаковы. Сѣверная часть хребта, такъ называемыя Лигурійскія горы (отъ Коль-де-Аржантьерь до истоковъ Магры) круто спускаются къ югу, чрезвычайно короткими, суровыми и частію скалистыми уступами; на всемъ протяженіи между Альбенго и Спецціей, хребетъ въ весьма близкомъ разстояніи сопровождаетъ берегъ моря и упирается въ него скалистыми крутизнами. Защищенность отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ дѣлаетъ все это побережье, извѣстное подъ названіемъ Генуэзской ривьеры, чрезвычайно богатымъ растительностію; пальмы, кактусы, алое, оливковыя и померанцовыя деревья, на каждомъ шагу напоминаютъ уже близость африканской почвы. Напротивъ того, къ сѣверу Лигурійскія горы образуютъ длинныя, отлогія вѣтви, покрытыя въ верхнихъ своихъ частяхъ лѣсомъ, а въ нижнихъ садами и засѣянными полями. Постепенно опускаясь, вѣтви эти переходятъ въ волнообразную мѣстность, за предѣлъ которой можетъ быть принята дорога, ведущая изъ Нови на Тортону, Вогеру, Піаченцу, Парму, Модену и Римини.

Отъ верховьевъ Требин отдѣляется наиболѣе длинная изъ сѣверныхъ вѣтвей Лигурійскихъ горъ; уступы ея доходятъ почти до береговъ По, образуя узкое Страдельское дефиле, имѣющее ширину не болѣе трехъ верстъ. Дефиле это всегда имѣло и будетъ имѣть весьма важное значеніе въ случаѣ военныхъ дѣйствій на правомъ берегу рѣки По.

Къ югу отъ верховьевъ рѣки Магры, Аппенинскія горы не идутъ однимъ хребтомъ, а на большей части своего протяженія

раздѣляются на нѣсколько параллельныхъ краешей, образуя между ними обширныя долины. Вершины ихъ, особенно отъ верховьевъ Магры до истоковъ Тибра, совершенно обнажены и бесплодны, но скаты и преимущественно южные пользуются богатую растительностію и плодородіемъ. Въ самой же южной части полуострова, въ Абруццо, Аппенины совершенно бесплодны и придаютъ странѣ особый характеръ дикости, между тѣмъ, какъ въ Калабріи и Сициліи они до того плодородны, что двѣ послѣднія страны справедливо могутъ назваться житницей Италіи.

Альпійскія и Аппенинскія горы, постепенно понижаясь къ долинѣ рѣки По, окаймляютъ съ трехъ сторонъ великую сѣверо-италианскую равнину, которая тянется отъ подножья западныхъ Альпъ до Адриатическаго моря и послѣднихъ уступовъ Юлійскихъ горъ. Наибольшая длина ея можетъ считаться болѣе 470 верстъ; самая значительная ширина въ восточной части около 150. Но на всемъ протяженіи своемъ равнина эта представляетъ весьма неодинаковый характеръ, который главнѣйше зависитъ отъ болѣе или менѣе значительнаго облія водъ. Главную артерію сѣверо-италианской равнины составляетъ рѣка По, которая, получивъ начало изъ Коттійскихъ Альпъ (Монъ-Визо), въ видѣ горнаго потока, въ чрезвычайно крутыхъ и дикихъ берегахъ, течетъ до Салюццо, откуда въ болѣе уже отлогихъ берегахъ направляется на сѣверъ до Кивассо; отъ Кивассо до Валенцы, она большою дугою омываетъ подножія Монферратскихъ горъ и затѣмъ получивъ воды съ лѣвой стороны: Доры-Рипарта, Доры-Бальтеаи Сезио, а съ правой Таннаро, — уже медленно направляется на востокъ къ Адриатическому морю. Въ верхней части своего теченія (примѣрно до Капро), По представляетъ еще ширину не очень значительную, но глубину уже достаточную для судоходства, которое и существуетъ отъ Кардо, выше Турина. Постоянные мосты въ этой части рѣки находятся у Кариньяно, Турина (два моста), у Кивассо, Казале и Валенцы. Ниже Капро, По, отъ избытка водъ, приносимыхъ ей рѣками, текущими изъ Аппенинъ и Альпъ, принимаетъ все болѣе и болѣе величественный, но вѣстѣ съ тѣмъ и постоянно угрожающій наводненіемъ видъ. Какъ всѣ рѣки, берущія начало изъ снѣжныхъ горъ, По имѣетъ высоту воды чрезвычайно непостоянную. При таеніи снѣговъ на горахъ, масса водъ быстро устремляется въ равнину, унося съ собою песокъ и куски гравіа, которыя въ тѣхъ мѣс-

такъ, гдѣ рѣка имѣетъ болѣе медленное теченіе, осѣдаютъ на дно ея и такимъ образомъ, постоянно возвышая его, заставляютъ рѣку выходить изъ береговъ и разливаться на равнинѣ. Это обстоятельство побуждаетъ жителей употреблять мѣры для препятствованія этимъ наводненіямъ, что достигается плотинами, которыя сжимаютъ русло рѣки, увеличивая ея глубину на счетъ ширины. Черезъ это, самый горизонтъ воды въ рѣкѣ весьма часто лежитъ гораздо выше, чѣмъ окружающая мѣстность; такъ на рѣкѣ По есть мѣста, гдѣ горизонтъ ея лежитъ на 30 футовъ выше прилегающей къ ней равнины. Очевидно, что все благосостояніе жителей вполне зависитъ отъ исправнаго содержанія плотинъ, потому что прорывъ воды въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ причиняетъ страшныя опустошенія, какъ это и случалось неоднократно. Въслѣдствіе того, на плотинахъ содержатся отъ жителей постоянныя сторожа, обязанность которыхъ заключается въ наблюденіи за исправностію плотинъ. Съ цѣлю же устраненія всякихъ неосторожныхъ поврежденій плотинъ, запрещено и самое плаваніе судовъ по рѣкѣ ночью. Главныя плотины, ограждающія равнину отъ наводненій, начинаются на По ниже впаденія въ нее Тичино; на этой же части теченія рѣки ширина ея, раздѣленная во многихъ мѣстахъ островами, дѣлается уже столь значительною, что чрезвычайно затрудняетъ построеніе постоянныхъ мостовъ, но мостовъ на судахъ здѣсь довольно много; важнѣйшіе изъ нихъ у Пиаченцы и Гвасталлы. Наиболѣе значительной ширины По достигаетъ между Пиаченцою и Боргофорте; здѣсь она имѣетъ до 500 и даже до 700 саж., выше и ниже этихъ пунктовъ ширина ея измѣняется отъ 130 до 175 сажень. Въ самой нижней части теченія По, особенно послѣ впаденія въ нее Мнчю, берега начинаютъ все болѣе и болѣе принимать характеръ болотистый, который особенно усиливается около Фискароло, гдѣ начинается самая дельта рѣки. Здѣсь По раздѣляется на множество рукавовъ, которые почти всѣ отходятъ къ югу отъ главнаго русла; главнѣйшіе изъ нихъ: По-ди-Примаро и По-ди-Волапо, образующіе при своемъ устьѣ въ морѣ обширныя и извѣстныя вредностію своихъ испареній Каммакійскія болота. Изъ всѣхъ рукавовъ дельты По, только одинъ,—делла-Грока, доступенъ для большихъ судовъ; всѣ же прочіе и даже самое главное устье, или По-Гранде, занесены песками и проходимы только для мелкихъ судовъ.

Не только одно устье рѣки По болотисто, но и весь берегъ Адриатическаго моря отъ По-ди-Примаріо до Изонцо представляетъ болотистую полосу, ширина которой измѣняется отъ 10 до 15 и даже до 25 верстъ. На этомъ пространствѣ, въ Адриатическое море изливаются воды всѣхъ южныхъ скатовъ Альпъ, какъ-то: По, Адижъ (Эчь), Brenta, Пиаве, Ливенца, Тальяменто, Изонцо и множество другихъ болѣе мелкихъ. Во время дождей, каждая изъ этихъ рѣкъ уноситъ массы песку и илу, которые, осѣдая при устьѣ, образуютъ вдоль берега моря песчанья косы и тѣмъ заставляютъ воды рѣкъ разливаться по окружающей низменности. Такимъ образомъ образуются такъ называемыя лагуны, представляющія огромныя пространства мелкихъ водъ и грязи, покрытой всего однимъ или двумя футами воды. Наиболѣе обширныя лагуны венеціанскія, отдѣленныя отъ моря узкою косою, черезъ которую имѣются только три судоходныя пролива, соединяющіе лагуны съ моремъ. Высота воды въ венеціанскихъ лагунахъ вполнѣ зависитъ отъ морскихъ приливовъ и отливовъ; такъ половину дня они имѣютъ полную воду, позволяющую движеніе довольно значительныхъ судовъ; въ другую же половину дня вода совершенно опадаетъ. Но сверхъ того, лагуны прорѣзаны множествомъ каналовъ, прорытыхъ конечно теченіемъ рѣкъ и углубленныхъ трудами человѣка. На всемъ пространствѣ лагунъ разбросано множество острововъ, изъ которыхъ нѣкоторыя составляютъ цѣлыя группы и на одной изъ такихъ группъ, состоящей изъ 120 острововъ, соединенныхъ между собою 408 мостами, расположена царица лагунъ—Венеція. Острова, отдѣляющіе лагуны отъ моря и разбросанные въ самыхъ лагунахъ, вовсе неудобны къ земледѣлію и имѣютъ чрезвычайно нездоровый климатъ, но за то представляютъ важныя удобства для мореплаванія, рыболовства и добыванія соли.

Но возвратимся къ водной системѣ рѣки По. Наибольшую массу водъ рѣка эта получаетъ изъ снѣговаго Альпійскаго хребта. Рѣки, текущія въ нее изъ Западныхъ и Пенинскихъ Альпъ, какъ то — Кизоне, Дора-Рипарта, Орко, Дора-Бальтеа, Черво и Сесіа, имѣя весьма короткое теченіе, съ стремительностію горныхъ потоковъ низвергаются съ горъ и только въ самыхъ нижнихъ своихъ частяхъ, выйдя на равнину, получаютъ болѣе покойное теченіе. Рѣки эти весьма мало способны для судоходства, но за то представляютъ неосцѣнимыя выгоды относительно удобства орошенія страны; при таяніи снѣговъ, или въ случаѣ про-

должительныхъ дождей, онѣ быстро наполняются водою, которая съ удобствомъ можетъ быть отводима искусственными каналами и шлюзами для орошенія полей. Далѣе, къ востоку, По принимаетъ съ лѣвой стороны двѣ незначительныя рѣчки Огоньо и Тердопио, которыя, получая начало изъ второстепенныхъ уступовъ Лепонтійскихъ Альпъ, и протекая на весьма большомъ протяженіи въ восточной части Пиемонта, маловодны, не могутъ представить никакихъ затрудненій для движенія и даже такъ бѣдны водою, что почти вовсе не служатъ и для орошенія полей. Рѣки, впадающія въ По съ лѣвой стороны, на границѣ Пиемонта — Тичино, и далѣе въ Ломбардо-Венеціи — Адда, Оглія съ Кіезою и Минчіо, имѣютъ уже совершенно другой характеръ. Онѣ берутъ начало изъ снѣговаго хребта, часто на весьма значительной высотѣ, и въ верхнихъ частяхъ своего теченія бѣгутъ съ необычайной быстротой, среди камней и скалъ, образуя множество водопадовъ, пороговъ и стремницъ. Но на послѣднихъ уступахъ горъ, на высотѣ отъ 800 до 600 футъ, онѣ встрѣчаютъ на пути своемъ болѣе или менѣе обширныя озера, какъ-то Лаго-Маджоре (высота 650 футъ надъ поверхностію океана), Комо, Изео, Идро и Гардское. Озера эти, принимая въ себя всѣ воды, стекающія съ окрестныхъ горъ, которыми они по большей части окружены со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, имѣютъ весьма значительную глубину, обыкновенно сильно увеличивающуюся еще отъ таянія снѣговъ. Изъ озеръ, выше поименованныхъ, рѣки вытекаютъ уже на равнину болѣе тихо и покойно, дѣлаясь судоходными на всемъ своемъ протяженіи ниже озеръ; такъ изъ Лаго-Маджоре течетъ Тичино, изъ Комо—Адда, изъ Изео—Оглія, принимающая въ себя Кіезу, выходящую изъ озера Идро, наконецъ изъ Гардскаго озера выходитъ рѣка Минчіо. Равнина, орошаемая этими рѣками, имѣетъ чрезвычайно разнообразный видъ. Сѣверная часть ея, у самыхъ уступовъ горъ, представляетъ полосу такъ называемыхъ тѣнистыхъ полей, гдѣ поля обсажены фруктовыми деревьями и изрѣзаны небольшими рощами. Полоса эта занимаетъ наиболѣе широкое отъ сѣвера къ югу пространство, въ западной части, между Тичино и Аддою, и суживается къ Кіезѣ и Минчіо. Пространство между Тичино и Аддою по справедливости называется садомъ Италіи; густое населеніе, обиліе фруктовыхъ деревьевъ, множество каналовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, судоходныя, имѣютъ назначеніемъ соединить Миланъ съ близлежащими рѣками, а другіе окружаютъ поля

и доставляютъ имъ искусственное орошеніе; наконецъ множество чистыхъ и прозрачныхъ ручейковъ, текущихъ изъ горъ второстепенныхъ, все это дѣлаетъ эту страну чрезвычайно пересѣченною и закрытою, и представляющую весьма важныя удобства для тактическихъ дѣйствій войскъ. Миланъ, находящійся въ срединѣ этой части италянской равнины, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ каналовъ Навильо-Гранде, Навильо ди-Павія и Павильо-делла-Мартезана, соединяющихъ Адду съ Тичино. Сверхъ того, еще каналъ Бельригвардо, соединяющій первый каналъ со вторымъ, имѣетъ весьма важное значеніе и въ военномъ отношеніи по своему направленію параллельно Тичино. Каналы эти были устроены еще въ то время, когда Миланъ пользовался своею полною самостоятельностью; такъ Навильо-Гранде проведенъ еще въ XVI столѣтіи, подъ руководствомъ знаменитаго живописца и архитектора Леонардо-де-Винчи. Впослѣдствіи времени, каналы эти засорились и сдѣлались совершенно негодными для судоходства, но вновь были исправлены въ началѣ настоящаго вѣка Французами.

Южнѣе полосы тѣнистыхъ полей, хотя все еще встрѣчается богатая растительность, но плодородіе почвы уже значительно уменьшается и земля требуетъ усиленнаго трудолюбія. Наконецъ еще ближе къ По встрѣчаются только одни рисовыя поля, которыя требуютъ столь большой влажности, что въ этой полосѣ почти вовсе нѣтъ уже жилыхъ мѣстъ. Влажность здѣсь имѣетъ большое вліяніе на самое состояніе и здоровье воздуха, почему и запрещено разводить рисовыя поля вблизи городовъ. Эта низменная полоса достигаетъ наибольшей ширины около Минчіо, такъ что за сѣверный предѣлъ ея можетъ быть принята дорога, ведущая изъ Леньяго на Мантую и Казаль-Маджіоре.

Рѣки, текуція изъ Аппенинскихъ горъ въ По, весьма незначительны; изъ нихъ наиболѣе замѣчательна Танаро, большая часть теченія которой совершенно сжата въ горахъ. Какъ самая Танаро, такъ и притокъ ея Стура и Бормида, заслуживаютъ вниманія только потому, что по нихъ долинамъ пролегаютъ важныя сообщенія Турина и Александріи съ берегомъ Генуэзскаго залива. Всѣ другія рѣки, какъ-то Скривіа, Курона, Стаффора, Тидоне, Требія, Таро, Парма и другія имѣютъ весьма незначительное протяженіе, маловодны, но во время дождей въ горахъ, вода въ нихъ быстро, почти мгновенно, прибываетъ.

Рѣки, впадающія непосредственно въ Адриатическое море къ югу отъ По, слишкомъ незначительны, для того, чтобы упомянуть о нихъ. Гораздо болѣе значенія, какъ въ промышленномъ, такъ и въ военномъ отношеніи имѣютъ воды, изливающіяся въ Адриатическое море къ сѣверу отъ По. Первое мѣсто между ними по величинѣ своей и значенію занимаетъ Адижъ или Эчъ. Получивъ начало въ высокихъ Ретійскихъ Альпахъ, Адижъ имѣетъ видъ горнаго потока до Мерана, откуда течетъ уже болѣе покойно до Боцена; отъ этого пункта, принявъ въ себя съ лѣвой стороны Эйзахъ, Адижъ поворачиваетъ на югъ и становится судоходнымъ; но русло его все еще стѣсняется мѣстами горами, до самой Вероны, откуда Адижъ, достигнувши уже ширины болѣе 50 сажень, течетъ медленно между плотинъ, предохраняющихъ окрестную страну отъ наводненій. У Леньяго, Адижъ сближается съ По и все пространство между ними, шириною отъ 10 до 15 верстъ, покрыто болотами и отводными каналами. Выше Вероны, на Адижѣ нѣтъ недостатка въ мостахъ; въ самой Веронѣ четыре постоянные моста и затѣмъ ниже ея, только одинъ мостъ въ Леньяго, другой на судахъ по дорогѣ изъ Павіи въ Ровиго. Страна между Адигемъ и Минчіо носитъ тотъ же характеръ, какъ и пространство къ западу отъ Минчіо.

Восточнѣе Адига текутъ въ Адриатическое море незначительныя рѣки—Бакильоне, Брента, Піаве, Ливенца, Тальяменто и Изонцо; всѣ онѣ берутъ начало въ горахъ второстепенныхъ, долины ихъ въ верхнихъ частяхъ сжаты горами, но по выходѣ на равнину, рѣки эти совершенно мелѣютъ, имѣютъ множество бродовъ и не могутъ представить значительныхъ затрудненій для движенія войскъ. Только въ случаѣ дождей вся эта часть равнины между Адигемъ, Изонцо и подошвами горъ, вслѣдствіе глинистаго грунта, совершенно расплывается и затрудняетъ передвиженія какъ войскъ, такъ особенно обозовъ. Самая южная часть этого пространства, отъ линіи, проведенной черезъ Эсте, Падуу, Тревизо и Пальманову, прѣзана каналами и представляетъ мѣстность чрезвычайно пересѣченную и обработанную съ большимъ трудолюбіемъ. Къ сѣверу же отъ этой линіи, хотя почва и плодородна, но обрабатывается гораздо хуже.

Чтожь касается Савоіи, то ея рѣки принадлежатъ бассейну Средиземнаго моря и главная изъ нихъ Рона протекаетъ только по границѣ Савоіи съ Франціей; другія же рѣки Савоіи,

какъ то Исере съ Аркою, впадаютъ въ Рону уже въ предѣлахъ Франціи.

Изъ этого орогидрографическаго обзора видно уже, что горы и воды Сѣверной Италіи должны оказывать весьма значительное вліяніе на веденіе войны въ этой странѣ. Горная полоса, опоясывающая долину По съ трехъ сторонъ, можетъ представить весьма хорошее поприще для горной войны, причемъ долины рѣкъ, выходящихъ изъ горъ, всегда дадутъ возможность смѣлымъ и предпримчивымъ партизанамъ быстро спускаться на равнину и тревожить постоянно дѣйствующія на ней силы. Само собою разумѣется, что подобный образъ дѣйствій возможенъ только при полномъ содѣйствіи жителей, которые кромѣ прямого участія своего съ оружіемъ въ рукахъ, могутъ быть еще чрезвычайно полезны и какъ проводники для партизанскихъ отрядовъ. Самая равнина рѣки По представляетъ въ высшей степени пересѣченную и по большей части закрытую мѣстность, которая не мало будетъ затруднять тактическія дѣйствія войскъ. Рѣка По раздѣляетъ эту равнину на два отдѣльные пространства: сѣверное и южное, изъ которыхъ каждое можетъ служить отдѣльнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, причемъ южное пространство, ограниченное подошвами Аппенинъ и теченіемъ По, не можетъ представить ни одной сколько нибудь значительной оборонительной линіи. Притомъ же дѣйствія на правомъ берегу По, безъ перенесенія ихъ на лѣвый берегъ, не могутъ имѣть никакихъ положительныхъ результатовъ. Напротивъ того, сѣверное пространство представляетъ нѣсколько превосходныхъ оборонительныхъ линій по рѣкамъ, текущимъ изъ озеръ въ По; линіи эти пріобрѣтаютъ еще большее значеніе отъ тѣхъ дорогъ, которыя перерѣзываютъ италіанскую равнину съ востока на западъ. вмѣстѣ съ тѣмъ система этихъ продольныхъ сообщеній находится въ тѣсной связи съ путями поперечными. Это и приводитъ насъ къ разсмотрѣнію какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ числѣ продольныхъ сообщеній въ сѣверо-италіанской равнинѣ, первое мѣсто занимаютъ два, почти параллельные между собою, шоссе, идущіе отъ запада къ востоку, а именно:

1) Отъ Туринна на Кивассо, Верчели, Новарру, черезъ Буфалорскій мостъ, на Тичиано — въ Миланъ, и далѣе черезъ Тревиальо, Бергамо, Брешию, мимо Пескьеры—на Верону, Виченцу, Тревизо, Удино къ Триесту. Рядомъ съ шоссе въ этомъ же на-

правленій пролегаеть, за исключеніемъ весьма незначительныхъ участковъ, и желѣзная дорога.

2) Изъ Алессандріи—на Тортоу, Піаченцу, гдѣ переходитъ черезъ По и далѣ на Пиччигетоне, Кремону, Мантуа, Леньяго, Падуу, въ Венецію.

Между этими двумя шоссе есть множество поперечныхъ сообщеній, которыя преимущественно сосредоточиваются въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ пунктахъ (*). Такими пунктами могутъ быть названы Туринъ и Алессандрія въ западной части; Миланъ, Піаченца, Верона и Мантуа въ центральной, и наконецъ Падуа, Удино и Триестъ въ восточной.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ узловъ дорогъ.

1) По самому положенію своему у подножья западныхъ Альпъ, Туринъ имѣеть важное значеніе; дѣйствительно, къ нему сходятся всѣ дороги, ведущія черезъ горныя ущелья и перевалы изъ Франціи и Савои въ Піемонтъ. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ дорогѣ, ведущей изъ Ліона на Шамбери, Эгбелль, Сень-Жанъ-де-Морьевнъ и Ланъ-де-бургъ. Отсюда начинается подъемъ на Монъ-Сенисъ, прекрасно разработанный еще по повелѣнію Наполеона I въ 1805 году. Высшая точка дороги находится на 6,098 футъ, надъ поверхностію океана. На южную сторону горъ, дорога спускается въ Сузу, въ долину Доры-Рипайры, вдоль по которой слѣдуетъ въ Туринъ. Въ послѣднее время на этомъ важномъ пути начали устраивать желѣзную дорогу, которая и открыта съ одной стороны отъ Ліона черезъ Кюлозу, Шамбери до Сень-Жанъ-де-Мориенъ, а съ другой отъ Сузы до Турина. Для соединенія же обѣихъ вѣтвей производится гигантскія работы, съ цѣлію прорыть тоннель черезъ главную массу Монъ-Сениса; работа эта, предпринятая сардинскими инженерами, если только увѣнчается успѣхомъ, то будетъ принадлежать къ величайшимъ, по смѣлости, предпріятіямъ нашего вѣка. Движеніе черезъ Монъ-Сенисъ весьма часто затрудняется выпадающими здѣсь снѣгами, разчистка которыхъ требуетъ весьма большаго числа рабочихъ. Значеніе этой дороги, преимущественно торговое; если же она была употреблена въ настоящемъ году, для вступленія Французовъ въ Піемонтъ, то это чисто исключительный случай; въ случаѣ же военныхъ дѣйствій Франціи противъ Сардиніи, путь этотъ врядъ ли

(*). См. карту Италіи.

бѣль бы избранъ для дѣйствій наступательныхъ, такъ какъ есть другіе пути, которые гораздо удобнѣе въ этомъ отношеніи. Отъ того-то на Монъ-Сенисской дорогѣ, со стороны Сардиніи, вовсе невидѣтся никакихъ укрѣпленій, кромѣ только одной оборонительной казармы на 1,000 человекъ, на вершинѣ главнаго перевала, и еще сильныя казематированныя Ессейлонскіе форты, по обоимъ берегамъ рѣки Арка, выше Моданы.

Въ долину же Доры-Рипайры, къ самой Сузѣ выходитъ и другая дорога, ведущая изъ Франціи отъ Бриансона, черезъ Монъ-Женевръ; дорога эта охраняется весьма слабымъ и стариннымъ фортомъ Эксиль. Отъ южной покатости Монъ-Женевра, съ этого пути отдѣляется болѣе кружная, но менѣе затруднительная дорога къ Турину, черезъ крѣпостцу Фенестреллу и Пинероль. Фенестрелла старинная крѣпостца еще XVI вѣка, состоящая изъ пяти фортовъ, расположенныхъ уступами одинъ надъ другимъ и соединенныхъ крытыми переходами. Пинероль, тоже старинная крѣпость, съ государственной тюрьмой, соединена съ Туриномъ желѣзной дорогой. Оба эти пункта въ настоящее время почти не имѣютъ никакого значенія, но предполагается изъ Пинероля сдѣлать сильную крѣпость.

Къ югу отъ Турина отходятъ дороги къ Генуэзской ривьерѣ, а именно главное шоссе на Кариньяно, Фоссанно, Кунео (Кони) и Лимоне; отсюда дорога дѣлается доступною только для вьюковъ и ведетъ черезъ Коль-ди-Тенда; спустившись же съ горъ, дорога снова дѣлается проѣзжею. Неудобство этого пути главнѣйше заключается въ томъ, что онъ въ горахъ совершенно заносится снѣгомъ; лѣтомъ же, когда снѣгъ стаиваетъ, даже самый перевалъ становится удобнымъ для проѣзда на колесахъ. Отъ этого пути, отъ Кариньяно отдѣляется другой, ведущій въ долину Танаро, вверхъ по ней до Ормеа и потомъ черезъ Коль-де-Нава въ Онеглиу. Въ настоящее время отъ Турина до Кунео устроена желѣзная дорога.

На сѣверъ отъ Турина идутъ только двѣ большія дороги, одна на Ивреа, Бьеллу, Романьяна и Арону, а другая на Кивассо, откуда раздѣляется на три вѣтви: правая слѣдуетъ на Казале, центральная, сопровождаемая желѣзною дорогой, идущей отъ самаго Турина, на Верчелли и Новарру и отдѣляющей вѣтви къ Ивреѣ и Бьелдѣ, наконецъ, лѣвая отъ Кивассо отдѣляется на Ивреа и вверхъ по долинѣ Доры-Бальтеа до Аосты, откуда слѣдуютъ вьючные пути, одинъ черезъ Большой Сень-Бернаръ въ долину

верхней Роны въ Швейцарію, а другой черезъ Малый Сентъ-Бернаръ въ Савою, въ долину Изера. Изъ всѣхъ этихъ дорогъ наиболѣе важная желѣзная дорога и шоссе между Кивассо и Ивреа, сопровождающіе правый берегъ Доры-Бальтеа, которая, какъ увидимъ ниже, входитъ въ систему обороны Пиемонта противъ Австріи. Въ настоящее время Ивреа представляетъ сильный тетъ-де-понъ, служащій въ тоже время прикрытіемъ лѣваго фланга Дорской линіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь у самого подножія горъ, пунктъ этотъ имѣетъ значеніе еще какъ опорный для летучихъ отрядовъ, которые бы занимали горы. Что же касается дальнѣйшаго продолженія этого пути въ горы, то онъ совершенно обезпеченъ нейтральнымъ положеніемъ Швейцаріи.

Къ востоку отъ Турина отходитъ шоссе, черезъ Казале къ Алессандріи и другое, сопровождаемое желѣзною дорогою, туда же черезъ Асти.

Вообще Туринъ, или лучше сказать, часть долины рѣки По, между Кивассо и Кариньяно и нижняя часть долины Доры-Рипайры можетъ считаться какъ бы главнымъ плацдармомъ всего стратегическаго фронта, Альпъ между Коль-д'Аржантьеръ и Монъ-Роза. Хорошо населенная и обработанная полоса между Кариньяно, Кивассо и на западъ до Авильяна, даютъ возможность содержать здѣсь значительный резервъ, который всегда можетъ поспѣть на угрожаемый пунктъ, въ случаѣ вторженія гдѣ либо непріятеля со стороны Франціи. Самый Туринъ, по своей обширности и многолюдности (до 150,000 жителей), потребовалъ бы слишкомъ громаднхъ расходовъ на его укрѣпленіе, однакожь, его старинная, но сильная цитадель, все же еще и въ настоящее время можетъ держаться довольно долго.

2) Вторымъ весьма важнымъ центромъ для дорогъ въ Пиемонтъ служитъ Алессандрія. Расположенная на слияніи Бормиды съ Таннaro и на соединеніи весьма многихъ дорогъ, Алессандрія давно уже имѣла сильное военное значеніе, которое особенно увеличилось, когда были срыты въ концѣ прошлаго вѣка укрѣпленія Турина. Важность Алессандріи была вполне оцѣнена Наполеономъ I, который хотѣлъ сдѣлать изъ нея сильный опорный пунктъ для французскаго владычества въ Сѣверной Италіи и поручилъ укрѣпить ее знаменитому инженеру Шасселу. Но укрѣпленія, возведенныя Французами, были срыты Австрійцами въ 1815 году, за исключеніемъ одной только цитадели,

лежащей на лѣвомъ берегу Таннaro. Въ настоящее время и самый городъ, расположенный на правомъ берегу этой рѣки, приведенъ въ оборонительное положеніе и представляетъ, какъ бы обширный редюнтъ природнаго лагеря, заключающагося между устьемъ Бормиды въ Таннaro. Главные пути, отдѣляющіеся отъ Alessandria, ведутъ на востокъ и на сѣверъ, а именно: шоссе и желѣзная дорога черезъ Валенцу на Мортару до Виджевано и другое шоссе черезъ Казале къ Верчели съ вѣтвію на Кивассо. На первомъ въ настоящее время возводятся мостовыя укрѣпленія у Валенцы, которая имѣетъ весьма важное значеніе, вслѣдствіе находящагося здѣсь моста черезъ По. Отсюда же отдѣляется вѣтвь желѣзной дороги черезъ Казале въ Верчели. Отъ Мортары идетъ шоссе въ сѣверную часть Пиемонта на Арону, вдоль праваго берега Лаго-Маджоре, на Демо д'Осоля и далѣе черезъ Симплонъ въ долину верхней Роны.

Къ югу отъ Alessandria отходятъ желѣзныя дороги и шоссе: на Нови и Геную, а другая черезъ Тортопу, къ Страделлѣ. Первая изъ нихъ между Нови и Генуей перерѣзываетъ Аппенинскія горы тоннелемъ, который въ настоящее время представляетъ самую громадную постройку въ этомъ родѣ; на прохожденіе его вагоны употребляютъ не менѣе одиннадцати минутъ. Это сообщеніе Генуи съ Alessandria обезпечено полевыми, по очень сильными укрѣпленіями у Нови и Буссады (на сѣверныхъ скалахъ Аппенинъ). Самая Генуя представляетъ обширный, хорошо укрѣпленный лагерь и гавань, одну изъ лучшихъ въ Средиземномъ морѣ; обширность города, имѣющаго до 140,000 жителей, даетъ возможность къ учрежденію въ немъ весьма значительнаго складочнаго и опорнаго пункта. Въ обѣ стороны отъ Генуи вдоль морскаго берега открываются прекрасныя шоссе, въ одну сторону до Ниццы, а въ другую черезъ Спецію въ Лукку, Ливорно и Флоренцію.

Наконецъ, отъ Alessandria отходитъ еще желѣзная дорога до Акви, сопровождаемая шоссе, которое продолжается далѣе на Каиро и черезъ Аппенинскій хребетъ выходитъ къ Савоннѣ.

3) Миланъ, красивый, богатый въ промышленномъ и торговомъ отношеніи городъ, съ 175,000 жителей, справедливо можетъ назваться главнымъ, центральнымъ узломъ всѣхъ дорогъ Сѣверной Италіи. Важнѣйшія изъ нихъ направляются къ нему съ сѣвера изъ родовыхъ австрійскихъ владѣній. Дороги эти, пролегая черезъ громадные горныя хребты, требовали неизмѣр-

ныхъ издержекъ и трудовъ для ихъ проложенія, и это самое уже достаточно показываетъ всю важность, которую придаетъ имъ австрійское правительство, если оно не жалѣло ничего для устройства дорогъ, значеніе которыхъ по преимуществу только военное. Дороги эти ведутъ отъ Милана, одна на Монцу, Лекко, берегомъ озера того же имени въ долину верхней Адды (Вальтелинъ) и далѣе черезъ ущелье Стельвіо, находящееся на высотѣ 8,900 футъ, въ долину Адиджа. На всемъ этомъ протяженіи устроено прекрасное шоссе, но часть его между Глюрсомъ и Борміо подвержена весьма частымъ заваламъ, которые особенно сильны бывають весною и лѣтомъ. Отъ Глюрса (въ долину Адиджа), шоссе расходится двумя путями на Инспрукъ; одна вѣтъ переходитъ въ долину верхняго Инна, а другая спускается по Адиджу до Боцена, откуда идетъ на Бриксенъ, весьма сильно укрѣпленный пунктъ, и далѣе подымается черезъ гору Бреннеръ тоже въ главный городъ Тироля. Переваль черезъ Бреннеръ здѣсь незначителенъ, и расположенъ всего на высотѣ 4,370 футъ. Другая дорога, ведущая изъ Милана въ Тироль, ведетъ на Тревильо, Бергамо, мимо озера Изео, въ долину верхней Огліо и далѣе черезъ Монъ-Тонале, въ долину Золе къ Сень-Михелю, лежащему въ долину Адиджа; на большой дорогѣ, ведущей въ Инспрукъ. Дорога эта, начатая въ 1850 году, сколько извѣстно, до настоящаго времени еще не кончена и можетъ быть доступна только для вьюковъ; притомъ же, хотя высота Монъ-Тонеля и значительно ниже ущелья Стельвіо, но все же таки дорога, проложенная черезъ эту гору, не будетъ еще обезпечена отъ заваловъ. Наконецъ, восточнѣе этихъ двухъ путей пролегаетъ еще третій, идущій отъ Тревильо до Брешии по шоссе, а далѣе продолжающійся въ видѣ горной тропинки мимо небольшой, но чрезвычайно сильной по своему положенію крѣпости Рокад'Анфо, въ долину верхней Кіезы, откуда черезъ водораздѣлъ у Бондо, лежащій на высотѣ 2,230 футъ, въ долину Сарки и къ Триенту на берега Адиджа. Къ западу отъ этихъ трехъ дорогъ есть еще два прекрасныя шоссе, ведущія отъ береговъ Комскаго озера въ Швейцарію: одно по западную сторону озера на Лугано, Беллицону и далѣе черезъ Сень-Готаръ, а другой по восточную, на Кіавенну черезъ гору Сплюгенъ. Отъ послѣдней у Кіавенны отдѣляется дорога въ долину верхняго Инна, которая, пройдя по Швейцарскимъ землямъ, выводитъ къ Инспруку; это кратчайшій путь между Тиролемъ и Миланомъ, но нейтральное

положеніе Швейцаріи не позволяет имъ пользоваться для движенія войскъ воюющихъ державъ.

Кромѣ поименованныхъ дорогъ, отъ Милана къ сѣверу отходить нѣсколько прекрасныхъ шоссе къ живописнымъ озерамъ: Комо, Лугано, Варезѣ и Маджоре.

Къ западу, къ сторонѣ Тичино, отъ Милана отходитъ нѣсколько хорошихъ дорогъ, большая часть которыхъ, какъ и вообще почти всѣ дороги, на пространствѣ между Аддою и Тичино, пролегаютъ по берегамъ каналовъ, или же представляютъ совершенныя дефиле между полями, окопанными глубокими канавами и обсаженными деревьями.

Наконецъ, къ востоку идутъ шоссе черезъ Лоди въ Крему и Брешию, другое на Пичигетоне и Кремону, а западнѣе ихъ на Павію. Послѣдній изъ этихъ городовъ имѣетъ постоянную переправу на Тичино, охраняемую сильнымъ мостовымъ укрѣпленіемъ. Переправа же черезъ Адду, по дорогѣ въ Кремону, защищена крѣпостью Пичигетоне, расположенною на обоихъ берегахъ рѣки.

4) Піаченца, второй городъ Пармскаго герцогства, расположенный въ прекрасной плодородной равнинѣ, важенъ какъ сильный укрѣпленный пунктъ на правомъ берегу По, прикрывающій находящійся здѣсь мостъ черезъ эту рѣку. Кромѣ цитадели, городъ обнесенъ еще и отдѣльными фортами, образующими укрѣпленный лагерь. Піаченца была очень многолюдна, но въ настоящее время имѣетъ менѣе 40,000 жителей, такъ что весьма значительная часть городскихъ построекъ, не имѣя жителей, занята подъ квартированіе австрійскихъ войскъ. Положеніе ея на южномъ шоссе, ведущемъ изъ Піемонта въ Ломбардію и пересѣкающемъ здѣсь По, придаетъ ей весьма важное значеніе. Сверхъ этихъ дорогъ отъ Піаченцы отходитъ шоссе, идущее вдоль сѣверныхъ скатовъ Аппенинъ на Парму, Модену, Болонью, Римини и далѣе до Анконы. Къ югу же отъ нея отходитъ только одна болѣе значительная дорога на Бобію, крайній пунктъ въ долину Требии, отъ котораго отдѣляются боковыя дороги въ долину Скривіи, черезъ нижніе уступы Аппенинъ.

5) Верона и Мантуа, двѣ чрезвычайно важныя крѣпости на главныхъ путяхъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдніе сходятся на самое близкое разстояніе между собою, около 30 верстъ по желѣзной дорогѣ, проложенной между помянутыми крѣпостями. Обѣ эти крѣпости представляютъ весьма сильно укрѣпленные пунктъ

ты. Верона весьма обширная крѣпость на обоихъ берегахъ Адижа, при выходѣ его изъ горъ, окруженная сверхъ того сильными передовыми укрѣпленіями, занимающими близлежащія высоты. Въ ней сосредоточены главные запасы и склады австрійской арміи въ Италіи и приготовлены большія помѣщенія для войскъ, а именно одиннадцать казармъ на 5,650 человекъ пѣхоты и десять для 1,206 человекъ кавалеріи и 1,340 лошадей; сверхъ того, въ самыхъ фортахъ еще есть помѣщенія для войскъ. Мантуа нѣкогда была великолѣпнымъ и богатымъ городомъ, въ чемъ свидѣлствуютъ и до настоящаго времени ея дворцы, портики, колоннады; но, сдѣлавшись съ конца прошлаго вѣка чисто военнымъ пунктомъ, она превратилась въ обширную, красивую казарму. Самое топографическое положеніе города содѣйствуетъ его усилению. Онъ лежитъ среди обширнаго разлива, образуемаго Минчіо, на двухъ островахъ, соединенныхъ съ твердымъ берегомъ только тремя шоссе, прикрытыми сильными фортами, фланкируемыми изъ построекъ, возведенныхъ среди болотъ и озеръ. Вслѣдствіе того Мантуа необыкновенно сильна въ оборонительномъ отношеніи, но за то сила ея чисто пассивная; Мантуа можетъ укрыть въ себѣ разбитую армію, можетъ выдержать продолжительную осаду, но за то вовсе не имѣетъ такого расположенія укрѣпленій, которое бы позволяло укрывшейся въ ея стѣнахъ арміи снова выйти въ поле для дѣйствій. Притомъ же самая недоступность Мантуи доставляетъ и осаждающему возможность держать крѣпость въ блокадѣ самыми незначительными отрядами.

Наиболѣе важная изъ дорогъ, отходящихъ отъ Вероны, это шоссе, ведущее по долинамъ Адижа и потомъ Эйзаха черезъ гору Бреннеръ въ Инспрукъ. На этомъ шоссе, слѣдующемъ постоянно вдоль лѣваго берега Адижа, представляется весьма много удобныхъ оборонительныхъ позицій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ горы близко подходятъ къ берегу рѣки. На эту же дорогу выходятъ, какъ мы видѣли уже, главнѣйшіе пути, ведущіе изъ Милана въ Тироль.

Отъ Мантуи отдѣляются главныя дороги, ведущія на правый берегъ По, а именно, черезъ Боргофорте на Гвасталу, Бретелло, Парму и далѣе черезъ долину верхняго Таро въ Понтремоли, пунктъ, лежащій на южныхъ скатахъ Аппенинъ, въ долину Магры; отъ Понтремоли дорога эта продолжается до Сарцаны, лежащей на шоссе, ведущемъ изъ Генуи въ Тоскану. До Пармы

по этому пути сдѣлано шоссе, а далѣе черезъ Аппенины дорога хотя не шоссирована, но не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій для движенія войскъ. У Брегелло находится сильное мостовое укрѣпленіе, прикрывающее переправу черезъ По. Другая дорога ведетъ изъ Мантуи на Модену; по этому направленію предполагается провести и желѣзную дорогу, но работы на ней въ настоящее время вѣроятно будутъ приостановлены. Изъ Модены проходитъ весьма хорошая дорога далѣе на Пауло и Борго въ Тоскану. Наконецъ изъ Мантуй отходитъ еще дорога на Феррару черезъ Остилію, гдѣ находится паромная переправа черезъ По.

6) Падуа, Удино и Триестъ представляютъ пункты, лежащіе на самыхъ сообщеніяхъ Ломбардо-Венеціи съ Австрійской имперіей; отсюда отходитъ уже наибольшее число дорогъ въ собственно Австрійскія земли. Изъ числа этихъ пунктовъ, Падуа можетъ по справедливости назваться наиболѣе важнымъ по близости ея къ Венеціанскимъ лагунамъ. Отъ Падуи отходятъ дороги черезъ Виченцу и Бассано въ долину Адижа, мимо Венеціи въ Тревизо, откуда дорога переходитъ въ долину верхней Піавы и черезъ Тоблахское ущелье въ долину Дравы. Дорога эта имѣетъ сообщеніе, правда, довольно затруднительное, съ Бриксенномъ, лежащимъ на большомъ Тирольскомъ шоссе. Къ сторонѣ Венеціи, изъ Падуи идетъ шоссе и желѣзная дорога, которая проходитъ по лагунамъ чрезъ великолѣпный мостъ длиною въ 1,685 сажень, устроенный на 222 аркахъ. Доступъ съ этой стороны въ Венецію защищается двумя сильными фортами Кампальто и Мальгера, изъ которыхъ особенно силенъ послѣдній, представляя двойную ограду бастионнаго расположенія, усиленную еще болѣе батареями, расположенными среди лагунъ, и самой мѣстностію, которая вокругъ Мальгеры болотиста, изрѣзана каналами и чрезвычайно затруднить веденіе апрошнихъ работъ. На югъ отъ Падуи, по мѣстности чрезвычайно болотистой и изрѣзанной множествомъ рѣчныхъ рукавовъ и каналовъ, проходитъ шоссе черезъ Ровиго въ Феррару; это единственная, вполнѣ удобная продольная дорога въ низовьяхъ По и Адижа; другіе пути, которые пролегаютъ въ этой части края и которые могли бы служить для сообщенія Венеціи съ легатствами, пролегаютъ обыкновенно вдоль плотинъ и прерываются каналами, для переправы черезъ которые нужны обширныя перевозочныя средства.

Отъ Удине и Триеста уже отдѣляется очень много хорошихъ дорогъ во внутрь Австріи черезъ Карнійскія и Юлійскія альпы. Главными центрами, къ которымъ сходятся эти пути по ту сторону горныхъ проходовъ, служатъ Виллахъ въ долинѣ Дравы и Лайбахъ въ долинѣ Савы. Самыя горы, окружающія обѣ эти долины, уже не столь значительны, какъ Альпы Тирольскія и Швейцарскія, такъ что черезъ нихъ была возможность даже провести желѣзную дорогу отъ Триеста на Лайбахъ и далѣе къ Грацу. Чтоже касается укрѣпленныхъ пунктовъ, которые бы оберегали эти системы дорогъ, то въ нихъ не представляется здѣсь особенной надобности, потому что обиліе дорогъ всегда позволять обходить подобныя пункты; самый фортъ Озоппо и крѣпость Пальмануова существуютъ, кажется, единственно по историческимъ воспоминаніямъ, не имѣя никакого значенія въ настоящее время.

Вотъ важнѣйшіе пути, перерѣзывающіе по всѣмъ направленіямъ сѣверо-италіанскую равнину. Но, кромѣ того, есть еще очень много другихъ дорогъ, соединяющихъ между собою различные пункты плоскости. Общій характеръ почти всѣхъ этихъ дорогъ тотъ, что онѣ представляютъ собою почти постоянныя дефиле, между различнаго рода каналами; мѣстами же, на равнинѣ, по обѣимъ сторонамъ дорогъ лежатъ весьма трудно проходимыя болота или залитыя водою поля; въ горахъ же, дороги сжаты покатосями горъ и почти вездѣ на нихъ можно найти хорошія оборонительныя позиціи, на которыхъ незначительное число войскъ въ состояніи держаться противъ болѣе многочисленнаго противника. вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ дороги не представляютъ такъ много удобствъ для ихъ загражденія, какъ въ Сѣверной Италіи, и самое исправленіе ихъ требуетъ также весьма большихъ усилій. По этому, порча дороги, уничтожая мосты черезъ каналы и прорывая плотины, войска дѣйствующія оборонительно, успивая свою пассивную оборону, лишаютъ себя въ тоже время всякой возможности переходить въ наступленіе; а извѣстно, что одна пассивная оборона никогда не можетъ дать сколько нибудь рѣшительныхъ результатовъ и только въ соединеніи съ своевременнымъ наступленіемъ можетъ пріобрѣсти силу и значеніе. Дѣйствительно, какъ бы ни былъ слабъ обороняющійся, онъ никогда не долженъ пренебрегать этимъ, иначе атакующій, въ случаѣ неудачи, всегда будетъ имѣть возможность оправиться, предпринять атаку съ новою силою и энергіей и при

настойчивости и храбрости войскъ, всегда непремѣнно кончить тѣмъ, что выбѣтъ обороняющагося изъ занимаемой имъ позиціи. Этимъ и объясняется, почему во всѣхъ почти войнахъ, которыя были ведены въ Италіи, воюющія стороны весьма рѣдко прибѣгали въ случаѣ оборонительныхъ дѣйствій къ загражденію и порчѣ дорогъ. Другое весьма важное обстоятельство, касающееся особенно дорогъ, лежащихъ по близости По, въ долині рисовыхъ полей, это недостатокъ хорошихъ мѣстъ для бивакированія нѣсколько болѣе значительныхъ отрядовъ. Свободныя мѣста для бивуаковъ встрѣчаются только по близости городовъ, гдѣ нѣтъ рисовыхъ полей; вдали же отъ городовъ войска, останавливающіяся на ночлеги подъ открытымъ небомъ, всегда будутъ подвержены лихорадкамъ, которыя особенно сильны во время лѣтнихъ жаровъ, усиливающихъ зловредныя испаренія изъ болотъ и затопленныхъ полей.

Посмотримъ теперь, какую пользу могутъ извлечь для защиты края обѣ воюющія стороны изъ соединенія существующихъ дорогъ, съ выгодами самой топографіи края. Прежде всего обратимъ вниманіе на защиту самаго Пиемонта.

Главнымъ плацдармомъ, отъ обладанія которымъ зависитъ судьба Пиемонта, можетъ быть названо пространство, заключающееся между рѣками По и Танаро. Пространство это, какъ бы мысомъ, вдается въ равнину, окружающую его съ сѣвера и востока, и отдѣляется отъ нея рѣками, ширина которыхъ измѣняется отъ 50 до 100 сажень. Занимая этотъ плацдармъ, армія имѣетъ весьма важное преимущество сосредоточенности, и притомъ не теряетъ возможности послѣтъ во время на помощь къ каждому изъ важнѣйшихъ пунктовъ, угрожаемыхъ непріателемъ. Пункты эти— Туринъ и Алессандрія. Первый, какъ средоточіе страны, управленія и главныхъ запасовъ, второй, какъ важная крѣпость, отъ обладанія которой зависитъ обладаніе почти всѣмъ Пиемонтомъ. И дѣйствительно, во всѣ войны, которыя разыгрывались до настоящаго времени въ западной части сѣверной Италіи, эти пункты служили главными предметами дѣйствій (*). Въ настоящую войну, къ этимъ

(*) Считаемо не лишнимъ припомнить здѣсь нѣкоторыя опредѣленія изъ стратегической терминологіи. *Театромъ войны*, или *театромъ военныхъ дѣйствій*, принято называть все пространство, ограниченное естественными или политическими предѣлами, на которомъ ведется война; первое названіе, то есть театра войны, имѣетъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ второе. Важнѣйшіе по своему значенію пункты театра войны, называются *стратегическими*

пунтамъ присоединился еще новый, это Нови, которая получила весьма важное значеніе, какъ пунктъ, лежащій у выхода изъ горъ сообщеній, ведущихъ изъ Генуи собственно въ Піемонтъ. Непрiятель, занявши Нови, могъ отрѣзать французскія войска, высадившіяся въ Генуэзской ривьерѣ, отъ главной массы сардинской арміи. Правда, что первые могли бы произвести свое соединеніе чрезъ Чеву, Кунео, или, пожалуй, даже и чрезъ Акви, но на это потребовалось бы не мало времени и притомъ Французы не могли бы извлечь всей пользы изъ весьма важнаго для нихъ пункта Генуи. Пунктъ этотъ особенное значеніе получаетъ отъ постоянного, быстрого своего сообщенія съ южными портами Франціи, которые служатъ главнымъ базисомъ для войскъ, дѣйствующихъ со стороны Генуэзскаго залива.

При расположеніи Сардинцевъ между По и Таннaro, они смѣло могутъ оставить безъ прикрытія свою столицу. Въ случаѣ, еслибы непріятель вздумалъ быстро двинуться на Туринъ, съ намѣреніемъ занять столицу и горные проходы черезъ Западныя Альпы, сардинская армія могла бы или перейти черезъ По у Кивассо и Турина, для того, чтобы не допустить непріятеля къ столицѣ, или же, отдавъ ему на жертву Туринъ, дѣйствовать на его сообщенія черезъ Казале, гдѣ она имѣетъ всегда обезпеченную переправу. Перваго рода операція была бы крайне рискована и невѣрна; въ случаѣ пораженія, сардинская армія была бы уничтожена. Напротивъ же того, принявъ второй планъ, она сохраняла свою цѣлость и поставила бы непріятеля въ крайне-затруднительное положеніе, особенно, если бы къ ней прибыли Фран-

пунктами; изъ нихъ, значеніе нѣкоторыхъ бываетъ постоянно, при какихъ бы обстоятельствахъ не производились дѣйствія, а другіе пріобрѣтаютъ только значеніе при извѣстномъ расположеніи воюющихъ сторонъ; первые называются постоянными, а вторые случайными или маневренными. Рядъ пунктовъ, или сборный пунктъ (цѣлая страна), отъ которыхъ начинаются дѣйствія, и въ которыхъ сосредоточены всѣ средства арміи, называется базисомъ, или основаніемъ дѣйствій. Отъ базиса обыкновенно отдѣляется одно или нѣсколько направлений къ какому нибудь стратегическому пункту и тогда пунктъ пріобрѣтаетъ названіе предмета дѣйствій, а направленіе, избранное арміей для достиженія этого пункта, операціонной линіи. Пути же, по которымъ доставляется къ арміи все для нея необходимое, называются коммуникаціонными путями или сообщеніями. Все пространство, занимаемое арміею впереди ея базиса, принято называть фронтомъ дѣйствій, а если оно прикрыто отъ непріятеля какою нибудь значительною естественною преградой, рѣкою, рядомъ болотъ, озеръ и т. под., то такую преграду называютъ оборонительною линіею. Оборонительныя, операціонныя, коммуникаціонныя линіи принято называть вообще стратегическими линіями.

цузы черезъ Геную. Этимъ, кажется, и можно объяснить медленность и нерѣшительность Австрійцевъ при вступленіи ихъ въ настоящемъ году въ Піемонтъ. Они легко могли дойти до Турина, еслибы успѣли предупредить тамъ Французовъ, но черезъ это, положеніе ихъ только стало бы еще хуже. Прибытіе Французовъ чрезъ Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ въ Піемонтъ, дало возможность Сардинцамъ распространить свою оборонительную линію и на лѣвомъ берегу По, вдоль по теченію Доры-Бальтеа до Ивреа. Чрезъ это, они избавились отъ необходимости отдавать неприятелю столицу государства, что, при всемъ патріотизмѣ Сардинцевъ, непременно должно было бы оказать не совсѣмъ благопріятное вліяніе на народъ и даже на армію. Вообще, всѣ мѣры, принятыя Сардинцами въ нынѣшнюю войну, превосходны и показываютъ, что они вполне изучили свою страну и вѣрно обдумали всѣ предположенія. Одинъ упрекъ, который могутъ имъ сдѣлать, это, зачѣмъ они отдали совершенно на жертву неприятелю все пространство между Сезіей и Тичино. Но иначе быть не могло: незначительная по своей числительности, сардинская армія не могла бы удержатъ за собою равнины въ 2,500 квадрат. верстъ пространства, равнины, на которой вовсе не имѣется оборонительныхъ позицій, и которую, буквально говоря, наводнили бы австрійскія войска. Опытъ 1849 года лучше всего доказываетъ неправильность подобнаго упрека; тогда Карлъ-Албертъ, желая охранять теченіе Тичино, растянулъ свою армію вдоль этой рѣки. Графъ Радецкій перешелъ рѣку у Павін, слѣдовательно, этимъ самымъ, далъ Сардинцамъ возможность вполне сосредоточиться у Новарры, и однимъ ударомъ рѣшилъ участь и сардинской арміи и Піемонта.

Занимая центральную позицію за По и Танаро, сардинская армія, кромѣ сосредоточенности, пріобрѣтаетъ еще и то важное преимущество, что она прикрываетъ всѣ сообщенія свои съ Франціей, откуда къ ней слѣдуетъ помощь. Чтобы лишить ее этого преимущества, Австрійцы должны были бы раздѣлиться на обоихъ берегахъ По и тогда для Сардинцевъ первостепенную важность получаютъ Казальское мостовое укрѣпленіе и тетъ-де-понъ, прикрывающій переправу черезъ Бормиду, близъ Алессандріи. Пользуясь этими переправами, Сардинцы всегда съ легкостію могли бы переносить дѣйствія, смотря по обстоятельствамъ, или на правый берегъ Бормиды, или же на лѣвый По.

Съ прибытіемъ Франгузовъ къ Генуѣ и правый флангъ Сардинцевъ значительно выигривалъ въ смыслѣ оборонительномъ, и приобрѣталъ важное преимущество для дальнѣйшаго наступленія. Занимая Нови и рѣку Скривіо, онъ не допускалъ непріятеля къ Алессандріи, и напротивъ, движеніемъ на Страделлу и Пиаченцу, угрожалъ его сообщеніямъ. Въ этомъ случаѣ, очень вѣроятно, что Австрійцы займутъ Страдельское дефиле, которое составляетъ какъ бы передовую позицію Пиаченцкаго укрѣпленнаго лагеря. Лагерь этотъ, вмѣстѣ съ крѣпостію, можетъ служить весьма хорошимъ основаніемъ для дѣйствій Австрійцевъ на правомъ берегу. Большіе запасы всякаго рода и учрежденіе значительныхъ госпиталей, сдѣланные Австрійцами въ этомъ пунктѣ въ послѣднее время предъ войной, вполне подтверждаютъ это предположеніе. Но такъ какъ, дѣйствія на правомъ берегу По непременно тѣсно будутъ связаны съ тѣми, которыя будутъ производиться на лѣвой сторонѣ этой рѣки, то и рассмотримъ эти послѣдніе.

Занимая Новаррскую провинцію, Австрійцамъ весьма трудно удерживать ее; они должны оборонять весьма значительное протяженіе рѣкъ Сезіи и По и слѣдовательно, по необходимости, должны будутъ растянуть свои силы; притомъ же, самая страна не представляетъ имъ особенныхъ выгодъ для расположенія въ ней; населенность Новаррской провинціи, не болѣе 4,000 чело-вѣкъ на квадратную милю; жители здѣсь не отличаются большимъ богатствомъ, которое еще болѣе истощено сильными контрибуціями, собранными Австрійцами со времени вступленія ихъ въ эту страну. Самая мѣстность не можетъ представить имъ ни одной хорошей позиціи, на которой они могли бы встрѣтить непріятеля. Наконецъ въ тылу у нихъ рѣка Тичино съ параллельными къ ней каналами Бельригвардо и Гравелонна, могутъ весьма значительно затруднить ихъ отступленіе, въ случаѣ проиграннаго сраженія. Все это заставляетъ полагать, что если Австрійцы и занимаютъ Новаррскую провинцію и даже показываютъ видъ, будто бы укрѣпляются на Сезіи и По, то все это не надолго; имъ нужно только время, чтобы вывезти изъ этой провинціи все собранное ими за Тичино. Когда же операція эта будетъ кончена и когда они замѣтятъ въ непріятельской арміи первые признаки наступательнаго движенія, то, безъ всякаго сомнѣнія, не замедлятъ отойти за Тичино.

Отъ этой рѣки собственно и начинается рядъ оборонительныхъ линій, на которыя Австрія смотритъ какъ на лучшую свою охрану въ Италіи. Но, передовыя изъ нихъ—на Тичино, Аддѣ, Огліо, Меллѣ и Кіезѣ, — не имѣютъ еще очень большого значенія. Главное достоинство всѣхъ этихъ линій то, что онѣ своими флангами прилегаютъ къ озерамъ и горамъ съ одной стороны и къ По съ другбй; такимъ образомъ онѣ почти обезпечены отъ обходовъ съ фланговъ. Но протяженіе этихъ линій слишкомъ велико: Тичино и Адда имѣетъ до 85 верстъ по прямой линіи (*), Огліо до 100, а Мелла и Кіеза около 70; притомъ же послѣднія три рѣки не многоводны и представляютъ очень незначительную ширину. Лучшею оборонительною линіей могъ бы служить Тичино съ сопровождающими его каналами, но неудобство этой линіи заключается въ лежащей позади ея мѣстности. Страна между Аддою и Тичиною въ высшей степени пересѣченная, дороги въ ней представляютъ, какъ мы видѣли уже, узкія дефиле, движеніе по которымъ затруднительно, особенно когда армія наконецъ должна была бы оставить тичинскую линію; лежащій позади этой линіи обширный, многолюдный Миланъ, къ которому сходятся всѣ дороги, могъ бы чрезвычайно затруднить отступающаго. Болѣе удобна оборонительная линія за Аддою; единственный недостатокъ ея, это ея протяженіе, что даетъ возможность смѣлому противнику всегда прорвать ее; притомъ же самое направленіе теченія Адды можетъ быть весьма невыгодно для Австрійцевъ, если только противникъ на столько силенъ, что можетъ оградить себя со стороны Пиаченцы и рискнуть переправу между Лоди и Пиачетоне; тогда Австрійцы должны будутъ поспѣшно оставить Адду, и будучи угрожаемы съ лѣваго фланга, врядъ ли останутся на Огліо и ея притокахъ. Конечно, подобное фланговое движеніе со стороны наступающаго будетъ чрезвычайно смѣло и очень быть можетъ, что въ такомъ случаѣ Австрійцы и рѣшились бы перейти въ наступленіе, чтобы разбить противника и притѣснить его къ болотистой долинѣ По. Но при этомъ они рисковали бы быть совершенно отброшенными къ горамъ и должны были бы произвести свое отступленіе уже по горнымъ дорогамъ черезъ Монъ-Тоннель и черезъ долину верхней Кіезы. Очевидно, что на подобное предпріятіе Австрійцы могутъ рѣшиться только въ та-

(*) Здѣсь считается теченіе этихъ рѣкъ по выходѣ изъ озеръ.

комъ случаѣ, если линія Мнччіо совершенно обезпечена другою, отдѣльною арміею. Но важнѣйшій недостатокъ всѣхъ австрійскихъ линій до Мнччіо, это именно то, что составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи и ихъ достоинство, близость на ихъ флангѣ горъ, въ которыхъ чрезвычайно удобно могутъ дѣйствовать непріятельскіе партизанскіе отряды. Въ особенности этотъ недостатокъ усиливается при настоящемъ положеніи населенія Ломбардо-Венеціи. Народъ этотъ тяготеетъ владычествомъ Австрійцевъ и при первомъ удобномъ случаѣ не замедлитъ возстать противъ нихъ. Но на равнинѣ это возстаніе не можетъ быть слишкомъ опасно для Австрійцевъ; оно только произведетъ беспорядокъ, анархію; жители равнины не отличаются воинственностію и будучи вслѣдствіе самой мѣстности разбросаны на значительномъ пространствѣ, не могутъ дѣйствовать совокупно большими силами. Такимъ образомъ у нихъ нѣтъ той ловкости, находчивости, умѣнья стрѣлять, какою отличаются жители предгорья; а съ другой стороны самая мѣстность не позволяетъ имъ дѣйствовать значительными отрядами, да если бы это и было возможно, то все жъ таки они врядъ ли бы устояли противъ обученныхъ регулярныхъ войскъ. А между тѣмъ возстаніе ихъ только бы раздражало войска и тогда они позволяли бы себѣ, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Совершенно другое дѣло, если возстаніе ограничится однимъ южными контрфорсами Альпъ; здѣсь жители болѣе привыкли къ разнаго рода трудностямъ, между ними очень много охотниковъ, отлично стрѣляющихъ и превосходно знающихъ мѣстность. Здѣсь народное возстаніе, руководимое смѣлыми и предприимчивыми людьми, могло бы дѣйствительно быть въ высшей степени опасно для Австрійцевъ, тѣмъ болѣе, что главный путь, который служитъ имъ для сообщеній съ ихъ складами и запасами, пролегаетъ именно у самага водножія горъ. Железная дорога, идущая изъ Милана на Тревильо, Бергамо, Брешію и Верону, и доставляющая Австрійцамъ весьма важное преимущество быстраго полученія по ней всякаго рода военныхъ принадлежностей и подкрѣпленій, находится съ этой стороны также въ немалой опасности. По этой же причинѣ становится почти невозможною и атака ихъ непріятеля, если бы онъ вадумалъ переправиться въ низовьяхъ Адды, потому что тогда Австрійцамъ слишкомъ было бы рискованно рассчитывать на воз-

возможность свободного и безпрепятственного отступления своего на Монъ-Тоннель и въ долину верхней Кіезы.

Главное развитіе австрійскихъ оборонительныхъ средствъ въ Италіи начинается собственно за Минчіо, между этою рѣкой и Адиджемъ. Все это пространство отъ южныхъ скатовъ горы Монте-Бальдо, лежащей между Гардскимъ озеромъ и Адиджемъ, до дороги, ведущей изъ Мантуи черезъ Сангинетто въ Леньяго, можетъ считаться, какъ бы однимъ обширнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ, заключающимся между крѣпостями Пескіерою, Мантуей, Вероной и Леньяго. Поверхность этого пространства не болѣе 1,000 квадр. верстъ; наибольшее разстояніе отъ Пескіеры до Леньяго, не превышаетъ 60 верстъ; разстоянія же между Вероною, Мантуей и Пескіерой не превышаютъ одного усиленного перехода. Съ фронта пространство это прикрыто рѣкою Минчіо или лучше сказать, частию ея теченія отъ исхода ея изъ Гардскаго озера до Мантуи, такъ какъ нижняя часть ея совершенно болотиста. На этомъ протяженіи, равняющемся приблизительно по прямой линіи до 30 верстъ, рѣка не широка и представляетъ даже во многихъ мѣстахъ броды, но это происходитъ отъ большой потери воды, отходящей въ каналы, отведенные для орошенія полей; по закрытіи же всѣхъ отходящихъ отъ нея каналовъ, броды могутъ быть уничтожены, такъ что для перехода войскъ придется непременно производить переправу въ виду непріятеля. Командованіе береговъ до Гойто не вездѣ одинаково и переходить съ одного берега на другой. Отъ Гойто же долина начинаетъ расширяться и берега становятся совершенно плоскими. Важнѣйшее удобство, представляемое рѣкою Минчіо, это совершенная и полная обезпеченность ея съ фланговъ, и особенно съ праваго. Въ этой части Италіи, граница собственныхъ австрійскихъ владѣній болѣе всего приближается къ рѣкѣ По, такъ что даже сѣверная часть Гардскаго озера находится уже въ предѣлахъ Тироля. Это очертаніе границъ служитъ весьма важнымъ преимуществомъ для Австріи; въ случаѣ народного возстанія въ Италіи, оно даетъ возможность разрѣзать волнующіяся земли на двѣ раздѣльныя части: — одну къ западу отъ Гардскаго озера, другую къ востоку отъ Адиджа; на спокойствіе же населенія по долинѣ Адиджа, вверхъ отъ Вероны, можно рассчитывать почти навѣрное, такъ какъ населеніе это уже значительно сблизилось съ нѣмецкимъ элементомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе его вполне обезпечиваетъ съ праваго фланга все пространство между

Минчіо и Адиджемъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ кампанію 1848 года, вся часть Венеціанской области, лежащая къ востоку отъ Адиджа и возставшая противъ австрійскаго владычества, была совершенно отрѣзана отъ главныхъ силъ Карла Алберта и отъ ломбардскаго возстанія, которые никакъ не могли подать помощи, ни Пальма-Нови, ни Венеціи, ни даже Виценцѣ.

Другое весьма важное преимущество этого вдающагося въ Италію положенія Тироля то, что Австрійцы, сосредоточенные за линію Минчіо, вполне сохраняютъ свои сообщенія съ родо-выми землями, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы противъ нихъ возстало все италіанское населеніе къ востоку отъ Адиджа. Пролегающее отъ Вероны на Инспрукъ шоссе, въ разстояніи менѣе чѣмъ 35 верстъ отъ первой, входитъ уже въ Тироль и особенно въ настоящую войну совершенно обезпечено нейтральностію Германскаго союза, къ которому принадлежитъ Тироль. Обладаніе Тиролемъ доставляетъ Австріи еще и то важное преимущество, что въ то время, когда она задерживаетъ наступленіе своихъ противниковъ на Минчіо, она можетъ совершенно безопасно сформировать новую армію въ долину верхняго Адиджа и оттуда направить ее черезъ Монте-Стельвіо или черезъ Монь-Тоннель въ тылъ своему противнику. Но, строго разобравши, это послѣднее преимущество не столь важно еще, какъ стараются обыкновенно выставить его приверженцы Австрійцевъ. Обѣ помянутыя дороги, несмотря на громады издержки, употребленныя для ихъ проложенія, несмотря на дѣйствительно удивительныя галлерей и тоннели, имѣющіе цѣлю обезпечивать путь отъ лавинъ, тѣмъ не менѣе представляютъ необыкновенныя затрудненія для войскъ. Весьма часто дорога извивается по самому краю крутыхъ скалъ, гдѣ одно снѣжаніе только перилъ, ограждающихъ дорогу, дѣлаетъ слѣдованіе по ней чрезвычайно опаснымъ; въ другихъ мѣстахъ черезъ пропасти перекинуты чрезвычайно смѣло, искусно и красиво, легкіе мосты, которые весьма нетрудно снѣжью или взорвать и тѣмъ совершенно прекратить всякое движеніе. Притомъ надо не забывать, что горы, окружающія долины верхнихъ Адды и Огліо, по которымъ пролегаютъ сказанныя пути, чрезвычайно трудно доступны, дики, скудно заселены и весьма мало имѣютъ тропинокъ, по которымъ можно было бы обходить мѣста, испорченныя на главномъ шоссе. Особенно легко можетъ быть испорчена дорога, идущая черезъ Монте-Стельвіо, и преимущественно на разстояніи между Борміо и Тирано, гдѣ должна

Адды чрезвычайно узка и имѣетъ весьма большое паденіе. Самое же загражденіе этихъ дорогъ и оборона ихъ можетъ быть возложена на мѣстное вооруженное населеніе, поддержанное только небольшими отрядами регулярныхъ войскъ. Наконецъ, еслибы даже дороги эти и не были подвержены порчи отъ жителей и партизановъ, то спрашивается, какъ велики силы, которыя Австрійцы могли бы направить по этимъ дорогамъ въ тылъ своему противнику? Конечно, самыя незначительныя, большею частію состоящія изъ одной пѣхоты съ весьма малымъ даже количествомъ артиллеріи. Войскамъ этимъ пришлось бы претерпѣвать въ горахъ большія лишенія, они должны бы имѣть все нужное для своего довольствія съ собою; подвозъ къ нимъ, какъ боевыхъ, такъ и продовольственныхъ припасовъ былъ бы крайне затруднителенъ; ко всему этому надо еще прибавить, что два раза въ годъ, весной и осенью, сообщеніе это совершенно прерывается на довольно продолжительное время, по случаю лавинъ, выпаденія снѣга и страшныхъ метелей. Но могутъ возразить, что австрійское правительство должно же было принять всѣ эти обстоятельства во вниманіе, и, что оно, вѣроятно, не рѣшилось бы пожертвовать милліонами, еслибы не находило въ этихъ дорогахъ важныхъ выгодъ военныхъ. На это можно отвѣчать, что во-первыхъ, эти дороги имѣютъ и торговое значеніе довольно значительное, а во-вторыхъ, провело же австрійское правительство дорогу черезъ Монте-Стельвіо, употребивъ на нее дѣйствительно громадныя издержки и усилія, а потомъ уже нашло, что дорога эта не вполне удовлетворяетъ военнымъ цѣлямъ, и потому приступило къ проложенію новой дороги черезъ Монъ-Тоннель. Никакъ нельзя же допустить того, чтобы устраивая эту послѣднюю дорогу, правительство австрійское имѣло въ виду направлять войска изъ Тироля въ Италію въ одно и тоже время по обѣимъ дорогамъ. Подобный расчетъ былъ бы въ высшей степени смѣлымъ. Поэтому-то, кажется, очень легко можно допустить, что и дорога черезъ Монъ-Тоннель, коль скоро будетъ совершенно окончена, окажется не болѣе удобною, какъ и Стельвійская и очень быть можетъ, что тогда Австрія приступитъ къ разработкѣ новыхъ дорогъ, гдѣ нибудь ближе къ Гардскому озеру, на примѣръ, отъ Трентана на Рока д'Анфо, или еще ближе по правому берегу самого озера. Послѣдняя дорога дѣйствительно могла бы имѣть весьма важное значеніе, при усиленіи австрій-

ской флотиліи на Гардскомъ озерѣ, въ чемъ уже и теперь чувствуется надобность.

Такимъ образомъ, австрійскія войска, сосретенныя позади Минчіо, имѣя двѣ системы сообщеній черезъ Тироль и черезъ Венеціанскую область, могутъ дѣйствительно представить здѣсь самый сильный отпоръ наступающему. При этомъ, главнымъ центромъ ихъ операціи и главнымъ опорнымъ пунктомъ будетъ Верона, которая въ своемъ обширномъ укрѣпленномъ лагерѣ занимающемъ оба берега Адиджа, можетъ укрыть весьма значительную армію. Огромные запасы, сосредоточиваемые въ этомъ пунктѣ, дѣлаютъ его какъ бы главнымъ базисомъ австрійской арміи, дѣйствующей въ Италіи. Еще большее значеніе получаетъ Верона, въ томъ случаѣ, еслибы непріятелю удалось переправиться черезъ Минчіо и утвердиться на ея лѣвомъ берегу. Тогда австрійская армія конечно вся укроется въ Веронѣ и оттуда можетъ выжидать случая, чтобы непріятель сдѣлалъ какую нибудь ошибку; тогда только она выйдетъ изъ-за своихъ укрѣпленій и можетъ рѣшиться вступить въ бой; проигравши дѣло, она ровно ничего не теряетъ и снова укрывается за укрѣпленія, но еслибы ей удалось одержать побѣду, то, конечно, разбитый противникъ врядъ ли бы остался на лѣвомъ берегу Минчіо. Здѣсь то положеніе наступающаго становится крайне затруднительнымъ; на этомъ пространствѣ между Минчіо и Адиджемъ, Австрійцы до такой степени все предусмотрѣли, что наступающему нужно необыкновенно много находчивости и соображеній, чтобы предпринять что нибудь. Двинуться за Адиджъ, перейдя его гдѣ нибудь между Вероною и Леньяго, или даже и ниже Леньяго, чрезвычайно трудно, да и опасно; австрійская армія изъ Вероны можетъ совершенно отрѣзать путь отступленія противнику. Обойти же Верону выше ея тоже почти невозможно и наступающій очень легко можетъ быть откинутымъ къ Гардскому озеру и тогда положеніе его крайне назавидно. Лучшее или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе надежное средство, это приступить къ блокадѣ или даже и осадѣ Мантуи и Пескьеры, для того, чтобы занятіемъ этихъ пунктовъ получить прочное основаніе на Минчіо, а съ главными силами наблюдать за Вероною и австрійской арміей и выждать пока она выйдетъ въ поле. Очевидно, что подобный образъ дѣйствій требуетъ очень значительнаго численнаго превосходства надъ обороняющимся, а главное много времени.

Являются вопросы: нельзя ли обойти эти двѣ грозныя австрійскія линіи? Нельзя ли взять ихъ въ тылъ? Чрезвычайно трудно, такъ что почти можно сказать невозможно. Въ 1848 году, когда Венеція находилась во власти Итальянцевъ, была сдѣлана нѣкоторая попытка къ этому. Именно, главнокомандующій венеціанскихъ войскъ генералъ Пепе и его начальникъ штаба полковникъ Улоа, заранѣе составили планъ компаніи, главною цѣлю котораго было освободить Венецію отъ блокады, въ которой держали ее Австрійцы и затѣмъ дѣйствовать противъ фельдмаршала графа Радецкого, который въ то время занималъ Ломбардію. Военныя способности составителей этого плана, выказанныя ими во время осады Венеціи, ручаются за его исполнимость; если же онъ не былъ выполненъ въ 1848 и 1849 году, то это происходило единственно отъ недостатка нужныхъ для этого силъ, а отчасти и отъ недостатка единства между самыми начальниками войскъ. Планъ этотъ состоялъ въ сосредоточеніи значительнаго корпуса впереди Кіуджи у истоковъ Brenty и въ дѣйствіяхъ затѣмъ, или по долину нижняго Адиджа и По, для прикрытія отъ Австрійцевъ легатствъ, или же въ переходѣ въ наступленіе между Адиджемъ и Brentoю, съ тѣмъ, чтобы атаковать Австрійцевъ въ той части ихъ укрѣпленнаго лагеря между Минціо и Адиджемъ, гдѣ онъ наименѣе силенъ. Является вопросъ, не можетъ ли этотъ самый планъ быть примѣненъ и къ настоящей войнѣ? Конечно, Венеція въ настоящее время находится во власти Австрійцевъ, но нельзя ли ея отнять у нихъ? Для этого прежде всего понадобился бы сильный флотъ, преимущественно суда, мелкосидящія въ водѣ. Доступъ въ лагуны, среди которыхъ лежитъ Венеція, открывается пятью проливами, изъ которыхъ два сѣверные совершенно мелководны. Затѣмъ изъ трехъ остальныхъ, наиболѣе значителенъ входъ Маламокко, доступный для кораблей, имѣющихъ 15 футовъ осадки; входъ Лидо, къ сѣверу отъ Маламокко, имѣетъ не болѣе 7—8 футовъ глубины и, наконецъ, самый южный, Кіуджа, имѣетъ глубину до 17 футовъ. Всѣ входы защищены сильно вооруженными фортами, позади которыхъ, среди самыхъ лагунъ, есть еще вторая линія обороны. Такимъ образомъ форсировать эти входы было бы чрезвычайно трудно и притомъ сбивши обѣ линіи фортовъ надо еще на самыхъ мелкихъ судахъ произвести десантъ въ Венецію. Но и этого еще было бы недостаточно. Самая Венеція, какъ извѣстно, соединена съ материкомъ длиннымъ мостомъ, который, вѣро-

ятно, былъ бы разрушенъ отступающими. Наконецъ, еслибы даже и это препятствіе было устранено, то есть мостъ былъ возобновленъ, то и тогда пришлось бы еще овладѣть сильными и совершенно самостоятельными фортами Мольгера и Компальто. Только тогда, армія, занявшая Венецію, могла бы рассчитывать на возможность дѣйствовать на сообщенія Австрійцевъ. Но очевидно, что это предпріятіе представляетъ такъ много трудностей, что его почти можно считать невозможнымъ. Но является другое предположеніе, нельзя ли овладѣть одною только южною частію лагунъ, а именно Кіоджіею и фортомъ Брондоло, посредствомъ высадки у низовьевъ Brenty и Адига сильнаго корпуса войскъ. Разумѣется, что и это предпріятіе стоило бы довольно дорого. Утвердившись въ Брондоло и устроивши здѣсь опорный пунктъ для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій, непріятель могъ бы направить свои операціи или между Адигемъ и По, или даже между Адигемъ и Brentoю. Само собою разумѣется, что канонерскія лодки и вообще другія военныя суда, мелкосидящія въ водѣ, должны были бы сопровождать сухопутныя войска, служа имъ постояннымъ подкрѣпленіемъ и прикрытіемъ, и облегчая переправы черезъ многочисленныя каналы этого края. Чрезвычайная пересѣченность его требовала бы почти исключительно одной пѣхоты и артиллеріи; слѣдовательно, непріятель избѣгалъ бы необходимости на первое время привозить съ собою значительное количество лошадей для кавалеріи. Въ обозѣ войска тоже не имѣли бы до времени особенной надобности, такъ какъ всѣ подвозы могли бы производиться водою.

Но при всѣхъ этихъ облегчающихъ дѣйствія обстоятельствахъ, все еще сохранилось бы необыкновенно много затрудненій; войска десантнаго отряда на каждомъ шагу были бы задерживаемы разрушенными мостами, прорванными каналами, на каждомъ шагу должны были бы грудью тѣснить противника; маневрировать на этомъ тѣсномъ пространствѣ не было бы никакой возможности. При этихъ боевыхъ трудностяхъ войскамъ нужно бы бороться еще и съ непріателемъ, болѣе опаснымъ — болѣзнями, которыя не замедлили бы распространиться между войсками въ этой болотистой и извѣстной своими зловредными испареніями странѣ. Испаренія эти тѣмъ болѣе были бы вредны; что сопровождались бы невыносимыми жарами, такъ какъ вѣроятно для экспедиціи избрано было бы лѣтнее время, когда рав-

нина менѣе всего страдаетъ отъ обилія водъ. Все это заставляетъ предполагать, что быть можетъ гибель людей отъ болѣзней была бы еще большая, чѣмъ отъ непріятельскаго оружія. И наконецъ, еслибы всѣ эти препятствія были преодолены, еслибы десантному отряду и удалось выйти на высоту Ленъяго и Падуи, положимъ даже овладѣть Виченцою, Тревизо и Венеціей, онъ конечно пріобрѣлъ бы весьма много, но все же не въ состояніи былъ бы выжить Австрійцевъ изъ Вероны и для овладѣнія этимъ важнымъ пунктомъ, пришлось бы блокировать его и выжидать совершеннаго, окончательнаго истощенія австрійской арміи.

Такимъ образомъ, громадные пожертвованія принесли бы самыя скудные результаты, далеко не вознаграждающіе тѣ усилія, которыя были бы употреблены на ихъ достиженіе.

Производство высадки гдѣ нибудь къ сѣверо-востоку отъ Венеціи связано съ меньшими трудностями и осталось бы столь же бесплодно, какъ и высадка близъ устьевъ По. Дѣйствительно, еслибы хотѣли произвести десантъ гдѣ нибудь между устьями Пиаве и Изонцо, то операція эта встрѣтила бы чрезвычайныя затрудненія въ самомъ мелководіи морскаго берега въ этихъ мѣстахъ; наконецъ, выйдя на равнину, десантный корпусъ, все, что могъ бы сдѣлать, это занять узкую полосу въ разстояніи одного или двухъ переходовъ отъ моря; Австрійцы же заняли бы скаты горъ и оттуда, нисколько не жертвуя своими сообщеніями, могли бы постоянно тревожить и держать въ бездѣйствіи высадившіяся войска. Наконецъ, производство десанта гдѣ нибудь по восточному берегу Адриатическаго моря тоже осталось бы совершенно бесплоднымъ и не могло бы оказать никакого существеннаго вліянія на положеніе Австрійцевъ между Минчіо и Адигемъ. Однимъ словомъ, можно смѣло сказать, что всѣ подобнаго рода предпріятія, произведенныя на берегахъ Адриатическаго моря, повели бы только къ раздробленію силъ, и стоили бы неимоверныхъ жертвованій, которыя никогда не искупились бы тѣми скудными результатами, которыхъ бы достигли. Главною причиною неуспѣшности всѣхъ подобнаго рода предпріятій выдающееся положеніе Тироля, которое всегда доставляло Австріи неисчислимыя стратегическія выгоды. Только одни дѣйствія непосредственно въ самомъ Тиролѣ, съ цѣлю изгнанія оттуда Австрійцевъ, могли бы принудить ихъ оставить Верону, но и этого рода дѣйствія, по причинѣ навѣст-

ной преданности Тирольтцевъ къ Габсбургскому дому, встрѣтили бы чрезвычайно сильныя, почти непреодолимыя затрудненія.

Точно также и дѣйствія на правомъ берегу По, направленные на Піаченцу, Брешело, Боргофорте или Остилію не могли бы повести къ рѣшительнымъ результатамъ, если бы вздумали при ихъ посредствѣ вытѣснить Австрійцевъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря между Минчіо и Адиджемъ. Дѣйствія эти, конечно, не встрѣтили бы большихъ затрудненій, потому что Австрійцы изъ нежеланія раздроблять свои силы, вѣроятно не оставили бы на правомъ берегу По значительнаго корпуса войскъ. Слѣдовательно, наступающій легко могъ бы отбросить эти войска и угрожая постоянно переправами близъ Піаченцы, у Кремоны, или у Боргофорте, могъ бы содѣйствовать дѣйствіямъ, происходящимъ на лѣвомъ берегу По, и принуждать напріятеля къ скорѣйшему оставленію Тичино, Адды и Огліо. При этихъ дѣйствіяхъ весьма большое содѣйствіе наступающему было бы оказано, если бы Тоскана была тоже занята его войсками, которыя могли бы черезъ Понтремоли или Пауло дебушировать къ Пармѣ или Моденѣ и тѣмъ принудить напріятеля къ скорѣйшему очищенію герцогствъ. Отступивши изъ Модены, Австрійцы, конечно, сосредоточатся къ Феррарѣ, выгодное положеніе и укрѣпленія которой дадутъ имъ возможность сохранить за собою устье По и сообщеніе съ Венеціанской областью черезъ Ровиго. Въ этомъ случаѣ флотилія канонерскихъ лодокъ и мелкосидящихъ судовъ, могла бы принести носомѣнную пользу наступающему, содѣйствуя ему къ овладѣнію переправами у Полезелла и Понтелагоскура. Завладѣніе этими переправами отрѣзывало бы Феррарскій и Коммакійскій гарнизоны отъ Венеціи и способствовало бы совершенному очищенію праваго берега По отъ Австрійцевъ. Что же касается австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Болоньѣ, Ровеннѣ и Анковѣ, то они вѣроятно были бы втянуты къ Феррарѣ вмѣстѣ съ отступленіемъ туда главнаго корпуса изъ Модены.

Но еслибы войска наступающаго, очистивъ правый берегъ По отъ Австрійцевъ, предприняли открытую переправу черезъ эту рѣку для поддержанія войскъ, дѣйствующихъ на лѣвомъ ея берегу, то встрѣтили бы и здѣсь весьма значительныя затрудненія. Конечно, попытка ихъ къ переправѣ выше устья Минчіо могла бы еще имѣть вліяніе на оставленіе напріятелемъ всего пространства между Минчіо и Тичино; но попытки эти во вся-

комъ случаѣ стоили бы наступающему очень дорого, такъ какъ переправа черезъ такую рѣку какъ По, при ширинѣ, какую она имѣетъ между Пиаченцою и Боргофорте и притомъ въ виду непріятели, — дѣло весьма не легкое. Если же наступающій захотѣлъ бы переправиться черезъ По между устьемъ Минчіо и Фискаролою, то здѣсь вѣроятно онъ не встрѣтилъ бы большого затрудненія на самой переправѣ, такъ какъ болотистые берега По и недостатокъ хорошихъ дорогъ вдоль нихъ, весьма затруднили бы оборонительныя дѣйствія Австрійцевъ; но за то дебуширование наступающаго изъ болотъ на сухія мѣста равнины было бы крайне затруднено и могло бы совершиться не иначе, какъ только въ такомъ случаѣ, если бы въ тоже время было произведено наступленіе со стороны Минчіо. Наконецъ, переправа эта, при всѣхъ затрудненіяхъ, съ какими она неминуемо была бы сопряжена, не принесла бы никакихъ существенно важныхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, если наступающему и не будетъ стоять особенно большихъ усилій, чтобы занять всю Ломбардію до Минчіо, за то на этой рѣкѣ, онъ встрѣтитъ самый сильный отпоръ и очень вѣроятно, что здѣсь будутъ остановлены его дальнѣйшіе успѣхи. Сближенные съ главными источниками всѣхъ своихъ военныхъ средствъ, Австрійцы могутъ, позади Минчіо, или въ Веронѣ, собрать сильную армію, съ которою имъ легко будетъ снова перейти въ наступленіе; переходъ этотъ особенно будетъ облегченъ, если непріятель не успѣетъ еще овладѣть Мантуей и Пескьерой и не утвердится на Минчіо. Если же оба эти пункта будутъ уже находиться въ рукахъ Франко—Сардинцевъ, то тогда переходъ къ наступленію Австрійцевъ будетъ значительно затрудненъ. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить оборона Минчіо въ 1814 году вице-королемъ Италійскимъ. Несмотря на численный перевѣсъ непріятели, вице-король не ограничивался одною пассивною обороною, а по временамъ переходя въ наступленіе предупреждалъ намѣренія своихъ противниковъ. Одно, что могло бы заставить его наконецъ очистить линію Минчіо, это болѣе рѣшительныя дѣйствія союзниковъ на правомъ берегу По, куда вице-король не могъ отдѣлать отъ себя значительныхъ силъ. При настоящихъ же обстоятельствахъ, силы Франко—Сардинцевъ столь значительны, что они безъ заметнаго ослабленія себя могутъ держать на правомъ берегу По сильный корпусъ войскъ, который, опираясь на Парму и Модену и на горные проходы черезъ Аппенины, можетъ постоянно угро-

жать лѣвому флангу Австрійцевъ. Французы могутъ даже при отступленіи своемъ сохранить въ своихъ рукахъ Брешельскую и Кремонскую переправы, обезпечивши ихъ сильными укрѣпленіями, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти укрѣпленія принесутъ болѣе значительную пользу, чѣмъ усиляваніе растянутыхъ ливній Оглии, Адды и даже Тичино. Постоянно угрожая лѣвому флангу наступательнаго движенія Австрійцевъ, эти укрѣпленные переправы заставятъ ихъ, или стараться опрокинуть Французовъ на правый берегъ По, или же побудятъ Австрійцевъ непременно снова часть своихъ силъ направить на Феррару, Парму и Модену, для того, чтобы взять съ тыла эти переправы.

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, какъ при наступленіи Французовъ къ Минчіо, такъ и при отступленіи ихъ отъ этой рѣки, правый берегъ По непременно будетъ также театромъ военныхъ дѣйствій, что и должно побудитъ Французовъ къ овладѣнію Піаченцою, которая необходима для нихъ, какъ опорный пунктъ для ихъ дѣйствій въ герцогствахъ и легатствахъ. Конечно, для этой же цѣли можетъ служить имъ и Тоскана съ ведущими изъ нея дорогами на Болонью, Модену и Парму, но на этотъ базисъ они могутъ перейти только тогда уже, когда Австрійцы будутъ оттѣснены къ Феррарѣ.

Эта зависимость между военными дѣйствіями на обоихъ берегахъ По, порождаетъ вопросъ, въ какой степени силы обѣихъ воюющихъ сторонъ своей числительностію допускаютъ это раздѣленіе армій теченіемъ По? Посмотримъ же, какъ велики силы, находящіяся въ распоряженіи Австріи, для защиты ея италянскихъ владѣній, и что могутъ выставить противъ нихъ ея противники.

Въ настоящее время, вся австрійская армія состоитъ изъ слѣдующихъ войскъ :

П л о х о т а :

62 линейные полка (по 6 баталіоновъ каждый)	415,000 чел.
14 пограничныхъ полковъ	55,000 —
Егерей 32 баталіона (въ томъ числѣ и императорскій егерскій полкъ въ 7 баталіоновъ)	32,500 —
Гарнизонные баталіоны и пограничные въ Буковинѣ	7,000 —
<hr/>	
Итого пѣхоты	509,500 чел.

Кавалеріи:

16 полковъ тяжелой (кирасиры и драгуны) . . .	19,200 чел.
24 — легкой (гусары и уланы)	53,300 —
<hr/>	
Итого каваларіи.	72,500 чел.

Артиллерія:

12 артиллерійскихъ полковъ, въ нихъ 96 пѣшихъ батарей съ 768 орудіями, 72 кавале- рійскихъ (<i>cavallerie batterte</i>) съ 156 орудіями . . .	} до 25,500 —
Береговой артиллерійскій и ракетный полки . . .	
Крѣпостная артиллерія	10,400 —
Техническія заведенія артиллеріи	4,600 —
<hr/>	
Итого артиллеріи.	47,800 чел.

Инженерный корпусъ:

Полкъ саперъ и минеръ	5,300 —
Полкъ піонеровъ	5,600 —
8 ротъ фютиліи	1,500 —
<hr/>	
Итого.	12,400 чел.

Корпусъ жандармовъ, госпитальные баталіоны,
штабные драгуны и штабная пѣхота и другія
части, кромѣ фурштатскаго корпуса . . . до 25,000 —

Всего (безъ фурштатъ). до 667,200 чел.

Всѣ эти войска раздѣлены на пять армій, изъ коихъ въ первой полагается четыре корпуса, во второй пять, въ третьей четыре, въ четвертой — одинъ. Пятую армию составляетъ военная граница. Первая армія занимаетъ земли пѣмецкія, вторая — италіанскія, третья—венгерскія, а четвертая—Галицію. Составъ корпусовъ весьма не одинаковъ; обыкновенно они состоятъ изъ 2 или 3-хъ дивизій; дивизию составляютъ два или три полка.

Преобразования, послѣдовавшія въ составѣ и устройствѣ австрійской арміи послѣ 1848 года, уничтожили въ ней весьма многія прежде существовавшія дурныя стороны. Вооруженіе, обмундированіе и вообще вся хозяйственная часть значительно улучшены, въ особенности въ пѣхотѣ и артиллеріи; обращено

вниманіе на болѣе правильное фронтовое образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры для снабженія арміи образованными и знающими свое дѣло офицерами. Отдѣльные роды войскъ арміи имѣютъ весьма много прекрасныхъ достоинствъ. Въ пѣхотѣ особенно замѣчательны пограничные полки, отличающіеся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, способностію переносить большіе труды и тягости, храбростію и ловкостію въ расыпномъ строѣ и вообще на аванпостахъ. Вообще они вооружены, также какъ и вся линейная пѣхота, гладкоствольными ударными ружьями со штыками, имѣя только въ каждой ротѣ по 16 стрѣлковъ, вооруженныхъ штуцерами. Егерскіе баталіоны снабжены штуцерами съ ножами; изъ нихъ особенно отличается мѣткостію стрѣлбы императорскій егерскій полкъ, составленный исключительно только изъ природныхъ Тиролецевъ. Австрійская кавалерія издавна пользуется извѣстностію; тяжелыя и сильныя богемскія и моравскія лошади ремонтируютъ тяжелую кавалерію; легкія и крѣпкія лошади венгерскія и изъ польскихъ земель пополняютъ легкую кавалерію. Тяжелая кавалерія вообще формируется преимущественно изъ Богемцевъ и Моравцевъ, уланы изъ Поляковъ, гусары изъ Венгерцовъ. Италіянскія земли вовсе не участвуютъ въ комплектованіи кавалеріи. Въ артиллеріи особенно замѣчательнъ ракетный полкъ, на который Австрія возлагаетъ большія надежды, хотя до настоящаго времени еще вовсе не подтвердилась на дѣлѣ польза этихъ метательныхъ снарядовъ.

Вообще, нравственное состояніе австрійской арміи очень хорошо; каждый солдатъ и офицеръ проникнуты гордостью и чувствомъ чести принадлежать къ императорской арміи; гордость эта часто доходитъ даже до хвастовства; дисциплина поддерживается въ арміи дѣятельно, иногда даже съ излишнею строгостію. Важнѣйшій недостатокъ австрійской арміи—разнородность ея состава. Въ общей числительности ея венгерская національность занимаетъ $\frac{1}{4}$, нѣмецкая — $\frac{1}{5}$, италіянская и польская порознь— $\frac{1}{6}$ долю. Наиболѣе важно то, что иногда приходится офицерамъ одной національности начальствовать надъ солдатами другой, при чемъ весьма часто подчиненные вовсе не понимаютъ языка своихъ командировъ. Для предотвращенія отпаденія войскъ въ случаѣ какихъ либо волненій въ краѣ, правительство обыкновенно удаляетъ полки отъ мѣстъ ихъ формированія: такъ въ настоящее время собственно италіянскіе полки расположены въ Богеміи и въ союзныхъ крѣпостяхъ Германіи.

Въ Италиі же общая численность войскъ, которыми могла располагать въ началѣ мая Австрія, слѣдующая:

1) Войска II арміи, состоящія подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго графа Гюлая.

3-й корпусъ (фельдмаршалъ-лейтенантъ князь Шварценбергъ):

5 полковъ линейной пѣхоты	25 батал.
Пограничныхъ войскъ	2 —
Егерей	4 —
Два полка легкой кавалеріи	16 эскад.
8 батарей	40 оруд.
<hr/>	
Итого пѣхоты:	40,495 челов.
кавалеріи	3,632 —
• артиллеріи	942 —
<hr/>	
	45,069.

5-й корпусъ (фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Стадіонъ):

6 полковъ линейной пѣхоты	30 батал.
Егерей	2 —
1 полкъ легкой кавалеріи	8 эскад.
Полкъ артиллерійскій въ 14 батарей	112 оруд.
Санитарная рота	1 рота.
<hr/>	
Итого пѣхоты	40,019 челов.
кавалеріи	1,860 —
артиллеріи	2,814 —
<hr/>	
	44,693.

7-й корпусъ (фельдмаршалъ-лейтенантъ Цобель):

5 полковъ линейной пѣхоты	25 батал.
Егерей	4 —
2 полка легкой кавалеріи	16 эскад.
Полкъ артиллерійскій въ 14 батарей	112 оруд.
Инженернаго корпуса	3 батал.
Санитарная рота	1 рота.
<hr/>	
Итого: пѣхоты	37,778 челов.
кавалеріи	3,632 —
артиллеріи	2,814 —
<hr/>	
	44,224.

8-й корпусъ (фельдмаршалъ-лейтенантъ Мельцеръ):

6 полковъ линейной пѣхоты	30 батал.
Егерей	4 —
Артиллерійскій полкъ въ 14 батарей	112 оруд.
Санитарная рота	1 рота.

Итого: пѣхоты 41,759 челов.

артиллеріи 2,814 —

44,573.

• Затѣмъ всего во второй арміи 178,559 челов.

Изъ нихъ пѣхоты 160,051 челов.

кавалеріи 9,124 —

артиллеріи 9,384 — при 376 орудіяхъ.

Сверхъ того въ Италіи находится еще второй корпусъ (фельдмаршалъ-лейтенанта, князя Эдуарда Лихтенштейна), не входящій въ составъ II арміи. Сила этого корпуса слѣдующая:

7 полковъ линейной пѣхоты	21 батал. (*)
Егерей	2 —
2 полка тяжелой кавалеріи	12 эскадр.
7 батарей артиллеріи	56 орудій.
10 батарей ракетныхъ	80 станковъ.
Пионернаго полка	2 батал.

Итого пѣхоты 23,315 челов.

кавалеріи 2,328 —

артиллеріи 3,200 —

28,843 —

Независимо отъ этихъ силъ, расположенныхъ въ самой Италіи, въ Лайбахѣ сосредоточено еще въ видѣ резерва для второй арміи:

Отъ 9-го корпуса:

3 линейные полка, въ 15 баталіоновъ, и

6 батарей, въ 48 орудій 18,953 челов.

Отъ кавалерійскаго корпуса:

Два кирасирскіе полка въ 12 эскадроновъ 2,502 —

Отъ 6-го корпуса:

Одинъ пѣхотный полкъ 6,339 —

Итого у Лайбаха 27,794 —

(*) Четвертые баталіоны еще не прибыли къ своимъ полкамъ; съ прибытіемъ ихъ сила этого корпуса увеличится до 39,437 человекъ.

Всего: во II арміи	178,559	челов.	съ	376	орудіями
— 2 корпусѣ	28,843	—	съ	56	— и 80 ракет- ными станками.
У Лайбаха	27,794	—	съ	48	орудіями.
Итого	235,196	—	съ	480	орудіями.

Изъ этого перечня видно, что главную силу Австрійцевъ въ Италіи составляетъ пѣхота, чего и должно было ожидать вслѣдствіе самаго характера мѣстности театра войны; кавалерія же придана арміи въ самомъ незначительномъ числѣ, именно въ войскахъ, находящихся собственно въ Италіи (безъ Лайбахскаго резерва), она составляетъ только $\frac{1}{18}$ часть.

Изъ числа этихъ 207,000 Австрійцевъ, находящихся собственно въ Италіи, по меньшей мѣрѣ, около 50—60,000 должны быть удержаны для содержанія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и даже во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, для удержанія жителей въ спокойствіи, какъ то въ Миланѣ, Брешии, Павии, Виченцѣ и другихъ. Мы сказали: — по меньшей мѣрѣ, потому что дѣйствительно занятіе, напримѣръ, одной только Венеціи и всѣхъ фортвовъ, защищающихъ доступы къ ней, потребуетъ не менѣе 15 — 20,000 человекъ; за тѣмъ еще остаются Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго, Піаченца и многія другія менѣе значительныя крѣпости. Сверхъ занятія главнѣйшихъ городовъ, съ цѣлю поддержанія спокойствія въ Ломбардіи, учрежденъ особенный летучій корпусъ, начальникомъ котораго назначенъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Урбанъ.

Что касается главныхъ складовъ и линій госпиталей Австрійцевъ, то объ этомъ почти не имѣется никакихъ свѣдѣній, можно однако предполагать, что главнѣйшіе запасы вѣроятно сосредоточены позади Минчіо. Главнѣйшіе же госпитали устроены въ Павии, Піаченцѣ, Кремонѣ, Мантуѣ, Веронѣ и Падуѣ. Вообще во всемъ необходимомъ для госпиталей и даже во врачахъ нѣтъ недостатка. Но одно уже расположеніе госпиталей преимущественно близъ самой долины По показываетъ, что Австрійцы весьма опасаются за свой правый флангъ и предвидяютъ, что здѣсь имъ серьезно придется имѣть дѣло съ возставшими жителями. Этимъ и можно объяснить, почему большинство ихъ госпиталей расположено въ южной Ломбардіи, не смотря на то, что южная часть пользуется особенно нездоровымъ и вред-

нымъ климатомъ, между тѣмъ, какъ въ сѣверной воздухъ несравненно свѣжѣе, чище и здоровѣе.

Кромѣ этихъ сухопутныхъ силъ, Австрія имѣетъ еще въ Италіи, какъ большой флотъ на Адриатическомъ морѣ, такъ и береговую флотилію въ лагунахъ и на италіанскихъ озерахъ. Правда, что италіанскій берегъ очень мало доступенъ для большого флота, такъ что въ единственный портъ этого берега—Венецію, если заходятъ военныя суда, то только самыхъ низшихъ ранговъ. Гораздо большее значеніе для Австріи имѣетъ Триестъ и то въ настоящее время преимущественно только какъ торговый пунктъ, потому что собственно гавань его совершенно открыта и весьма трудно защищается береговыми батареями. Это и заставило австрійское правительство перенести въ послѣднее время военныя порты въ Полу, гдѣ нынѣ и сосредоточены всѣ морскія учрежденія Австріи, а также и ея флотъ, состоящій всего изъ 9 паровыхъ и 20 парусныхъ судовъ съ 496 орудіями на нихъ. Но сверхъ того, какъ находящіяся по восточному берегу Адриатическаго моря порты, такъ и самая Венеція, укрыли въ настоящее время весьма значительное число купеческихъ судовъ, собственно принадлежащихъ австрійскимъ подданнымъ, и которые не осмѣливаются выходить въ море съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ появилась французская эскадра. Чтобы судить по крайней мѣрѣ приблизительно, какъ великъ купеческій флотъ, укрывшійся въ Венеціи, можно взять общую численность всего купеческаго флота Австріи, которая за 1857 годъ простиралась до 9,938 судовъ, считая въ томъ числѣ и занятые собственно рыболовствомъ; но такъ какъ изъ общаго числа судовъ, на долю Венеціи обыкновенно приходится четвертая ихъ часть, то и надо полагать, что подъ защитою собственно венеціанскихъ фортовъ укрылось отнюдь не менѣе 2,000 купеческихъ судовъ. Кромѣ того, и пароходное австрійское общество «Ллойдъ» прекратило свои рейсы и всѣ его 68 пароходовъ, вмѣстѣ съ принадлежащими обществу баржами и буксирными судами, переданы по примѣру прошлыхъ войнъ въ полное распоряженіе правительства на все время военныхъ дѣйствій.

Въ Италіи Австрійцы имѣютъ еще двѣ флотиліи: Лагунную, штабъ-квартира которой въ Венеціи, и Средиземную, которой штабъ-квартира въ Ривѣ (на сѣверномъ берегу Гардскаго озера). Назначеніе этихъ флотилій перевозить войска и всякаго рода военныя и продовольственныя припасы, а также дѣйство-

вать самостоятельно противъ непріятельскихъ войскъ, судовъ и береговыхъ батарей и вообще поддерживать военныя дѣйствія, проиходящія въ кругу ихъ расположенія. Каждая изъ этихъ флотилій состоитъ въ мирное время изъ трехъ, а въ военное изъ шести ротъ, комплектъ которыхъ полагается по 159 всѣхъ чиновъ въ каждой. Нижніе чины вооружены штуцерами. Лагуни-ная флотилія входитъ собственно въ систему обороны Венеціи и состоитъ изъ 7 пловучихъ батарей, 15 паровыхъ и 22 гребныхъ канонирскихъ лодокъ, 26 патрульныхъ судовъ, 2 паровыхъ и 28 гребныхъ транспортовъ, съ надлежащимъ числомъ мелкихъ судовъ. Но флотилія эта далеко не доведена еще до комплекта. Средиземная флотилія имѣетъ главный пунктъ своей стоянки въ Ривѣ, гдѣ устроена для нея пристань, защищенная береговыми батареями. Отъ этой флотиліи одна рота отдѣлена въ Лавенну на Лаго-Маджоре и одно отдѣленіе отряжено къ Мантуѣ, на окружающія ее озера. Изъ судовъ Средиземной флотиліи находятся: на Гардскомъ озерѣ 3 военныхъ парохода, 2 канонирскія лодки и 5 буксирныхъ судовъ; на Лаго-Маджоре: 2 военныхъ парохода, 2 канонирскія лодки, 1 ракетная лодка и 2 буксирныхъ судна; наконецъ на Мантуанскомъ озерѣ содержится только въ военное время 8 канонирскихъ лодокъ. Пароходы вооружены обыкновенно четырьмя орудіями 24, 12 или 18 фунтоваго калибра, а на канонирскихъ лодкахъ имѣется одна или двѣ бомбическія пушки 30 или 60 фунтовыя.

Сверхъ того, на озерахъ Гардскомъ, Комо и Лаго Маджоре имѣются еще частныя пароходы, содержащія сообщеніе между берегами, но которые въ случаѣ войны поступаютъ въ распоряженіе военнаго начальства.

Теперь перейдемъ къ Франціи и посмотримъ, какъ велики ея вооруженныя силы и какъ велика числительность той арміи, которую Франція можетъ употребить на внѣшнюю войну. Вотъ общая числительность французской арміи къ 1 апрѣля 1858 года.

	На лицо. (Конскрипты при- емовъ до 1857 г.)	Временно отпускные.	Конскрипты 1857 года	Всего.
Пѣхота . . .	208,728	99,000	43,500	351,228
Кавалерія . . .	46,900	12,500	12,700	72,100
Артиллерія . . .	27,450	13,900	2,900	44,250
Инженерн. войска	6,710	4,600	450	11,760
Фурштагъ . . .	4,870	4,400	450	9,720
Итого	294,658	134,400	60,000	489,058

Къ этому числу надо прибавить еще:

Императорской гвардіи	29,942
Войска, не комплектуемая конскрипціею, какъ то: штабы, жандармы, иностранные легіоны, туземныя войска и другія	49,000
	<hr/>
	Всего 568,000

Численность эта при настоящихъ обстоятельствахъ усиливается призывомъ контингента 1858 года, который увеличенъ до 140,000; сверхъ того, надо принять еще во вниманіе большое число добровольно поступающихъ, которыхъ вѣроятно будетъ не менѣе 50,000, судя потому, что вообще, какъ видно изъ газетъ, число являющихся волонтеровъ весьма значительно. Съ этими добавленіями можно положить, что французская армія возрастетъ до 758,000.

Изъ этого числа въ Алжирѣ, при настоящемъ покойномъ состояніи этого края, оставлено до 40,000 чел. Внутри Франціи для образованія депо, а также и для поддержанія спокойствія, особенно въ большихъ городахъ, потребуется всего, менѣе — 150,000, за тѣмъ вся остальная масса въ 668,000 можетъ быть употреблена для непосредственнаго охраненія границъ Франціи а равно и для внѣшней войны.

Составъ въ настоящее время французской арміи слѣдующій:

Пѣхота.

Гвардейская, 10 полковъ	42 батал. (*)..
Гвардейскихъ стрѣлковъ	1 —
Линейной пѣхоты 100 полковъ	400 —
Стрѣлковъ	20 —
Зуавовъ 3 полка.	9 —
Австрійскихъ стрѣлковъ (тюркосовъ)	4 —
полка (**).	12 —
Иностранный легіонъ 3 полка	9 —

Пѣхоты 493 батал.

(*) Въ нынѣшнемъ году число баталіоновъ въ полкахъ увеличено, вмѣсто трехъ четыре, но число ротъ въ полку осталось тоже, т. е. по шести въ баталіонѣ; комплектъ ротъ усиленъ. Перемѣна эта совершена еще не во всѣхъ линейныхъ полкахъ.

(**) 4-й полкъ образованъ изъ баталіоновъ, взятыхъ отъ прежнихъ трехъ полковъ; это переформированіе временное.

2. Каваллерія.

Гвардейской	36 эскадр.
Колоновожатыхъ (<i>guides</i>).	6 —
Тяжелой 12 полковъ	72 —
Линейной 20 полковъ	120 —
Легкой 22 полка	132 —
Спаговъ 3 полка	18 —
<hr/>	
Кавалеріи 384 эскадр.	

3. Артиллерія.

Гвардейскій пѣшій и гвардейскій конный полки	18 батарей
Пѣшей артиллеріи 12 полковъ	195 —
Конной 4 полка	32 —
Пионеровъ 1 полкъ	17 ротъ
<hr/>	
Артиллеріи 262 батар. и роты.	

4) Инженерныя войска. Саперные 2 полка,—6 баталіонныхъ.

Сверхъ того, жандармы, фурашаты, крѣпостная артиллерія, исправительныя, мастеровыя и др. роты.

Считаемъ лишнимъ распространяться здѣсь болѣе подробно объ организаціи французской арміи, а тѣмъ болѣе объ ея качествахъ: она уже давно приобрѣла себѣ право на званіе лучшей арміи въ свѣтѣ, цѣлымъ рядомъ побѣдъ и успѣховъ, которые записаны въ исторіи. Вооруженіе ея нарѣзными ружьями и введеніе въ ея артиллерію новыхъ орудій изъ литой стали, конечно, доставитъ ей еще болѣе шансовъ къ поддержанію вполнѣ заслуженной славы.

Чтоже касается того, какія именно войска направлены изъ Франціи въ составъ италіанской арміи, то на этотъ счетъ существуетъ чрезвычайно мало данныхъ. Всѣ приготовленія, которыя были дѣланы императоромъ Наполеономъ, производились въ такой тайнѣ, что почти невозможно съ точностію опредѣлить, какія части вступили уже въ Италію и какія готовятся еще къ вступленію. Желѣзныя дороги, быстро переносящія части войскъ съ одного конца Франціи въ другой, дѣлаютъ совершенно неуловимыми всѣ измѣненія въ дислокаціи армій. Все, что можно сказать, такъ это только, что, до настоящаго времени, вся гвардія, за исключеніемъ четвертыхъ баталіоновъ, которые остались въ Парижѣ, вошла въ составъ италіанской арміи.

Главную же силу этой арміи составляютъ слѣдующіе четыре корпуса:

1-й корпусъ (командующій маршалъ Бараге-д'Илье.)

1-я дивизія — генераль Форе; бригадные генералы: Бланшаръ и Бере (убить при Монтебелло).

2-я дивизія — генерала Ладмиро; бригадные: Мартемпре и Андрантъ де ла-Шарриеръ.

3-я — генераль Базенъ, бригадные: Гозъ и.... (?)

Кавалерійская дивизія.

2-й корпусъ (командующій маршалъ Макъ-Магонъ).

1-я дивизія: — генераль де-ла-Моттъ Ружъ; бригадные: Лефевръ и Бонне—Морейльянъ де-Поль.

2-я дивизія—генераль Эспинассъ.

3-й корпусъ (командующій маршалъ Канроберъ).

1-я дивизія — генераль Бурбаки; бригадные: Трошю и Дюкро.

2-я дивизія — генераль Бона (умеръ въ Сузѣ); бригадные: Батайлъ и Колинъо.

3-я дивизія—генераль Рено; бригадные Пикаръ и Жанненъ.

Кавалерійская дивизія—генераль Монтобанъ.

4-й корпусъ (командующій генераль Ниель).

1-я дивизія—генераль Виноа; бригадные: Ниоль и Лейрицъ.

2-я дивизія — генераль де-Фальи; бригадные: Офаррель и Соренъ.

Полагая, что пѣхотные полки этихъ корпусовъ уже сформировали четвертые баталіоны и находятся въ комплектѣ, общая численность одной только пѣхоты италіанской арміи должна далеко превышать 150,000. При нихъ считаютъ отъ 200 до 300 орудій, изъ числа которыхъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, половина, а по другимъ и всѣ, выдѣланы по новымъ образцамъ изъ литой стали Крупа.

Но сверхъ этихъ четырехъ корпусовъ, въ настоящее время уже сформированъ еще и пятый, который подъ начальствомъ принца Наполеона занимаетъ Тоскану. Есть слухи, что императоръ полагаетъ образовать еще для италіанской же арміи и шестой, седьмой и даже восьмой корпуса.

Слухи эти могутъ быть не лишены основанія, если принять во вниманіе, что энтузіазмъ, возбужденный во Франціи этой войною, вполне можетъ быть самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за внутреннее спокойствіе имперіи. Но энтузіазмъ этотъ весьма лег-

но можетъ остыть, если его не поддерживать громоглашными бюлетенями о новыхъ побѣдахъ, которыя будутъ одерживать французское оружіе на равнинахъ Италіи. Для побѣдъ же нужна сила.

Опорными и главными складочными пунктами для французской арміи въ Италіи, на первый разъ избраны, какъ кажется, Бриансонъ, для вступившихъ черезъ Кюлозъ и Монъ-Женевръ 3 и 4 корпусовъ, и Генуа для доставленныхъ моремъ 1 и 2. Особенно важенъ для Французовъ второй изъ этихъ пунктовъ, такъ какъ онъ имѣетъ паромныя сообщенія съ Алжирскимъ берегомъ и съ портами южной Франціи, откуда италіанская армія получаетъ всѣ подкрѣпленія. Въ Генуѣ учреждены уже въ большихъ размѣрахъ и французскіе госпитали.

Такимъ образомъ уже одна сухопутная, чисто французская армія, даетъ Наполеону III весьма значительный перевѣсъ надъ Австрійцами. Но и многочисленный флотъ Франціи также неминуемо долженъ будетъ принять участіе въ этой войнѣ. Даже если бы Французы и не предпринимали высадки въ Адриатическомъ морѣ, что очень и вѣроятно, то и тогда эскадра, посланная Франціей для блокады этого моря, нанесетъ не малый ущербъ торговлѣ Венеціи. Торговля же Триеста и Фиуме нисколько не пострадаетъ, такъ какъ блокада будетъ ограничиваться только однимъ венеціанскимъ берегомъ отъ По до Изонцо. Гораздо болѣе важно то участіе, которое французскій не только военный, но и купеческій флотъ, принимаютъ и будутъ принимать въ перевозкѣ войскъ и всего для нихъ необходимаго изъ Франціи въ Италію. Этимъ значительно сократится время, а главное войска французскія будутъ являться на театръ войны менѣе утомленными. Наконецъ, еще болѣе важно участіе, которое флотъ приметъ въ возвращеніи изъ генуэзскихъ госпиталей больныхъ и раненыхъ во Францію, возвращеніе, которое этимъ путемъ можетъ быть произведено съ большимъ сбереженіемъ больныхъ, чѣмъ перевозка сухопутная.

Но, являясь въ Италію защитницею Италіанской независимости, Франція имѣетъ полное право рассчитывать и на содѣйствіе самыхъ же Италіанцевъ. Содѣйствіе это можетъ быть оказано войсками италіанскихъ государствъ и наконецъ самими жителями тѣхъ частей края, черезъ которыя будутъ проходить Французы.

Во главѣ Италіи возрождающейся, Италіи, полагающей всѣ свои надежды на будущее освобожденіе отъ чужеземнаго вліянія, безспорно стоитъ Сардинія, которая употребляетъ всѣ мѣры, для того, чтобы стать вполне достойною этихъ общихъ надеждъ Италіанцевъ и во чтобы то ни стало поддерживать свое назначеніе. Всѣ усилія ея, особенно послѣ событія 1848 и 1849 годовъ, направлены именно къ тому, чтобы создать армію, которая бы была бы достойною представительницею юной Италіи и которая могла бы быть противопоставленною Австріи. И этой цѣли, въ некоторой, по крайней мѣрѣ, степени достигла Сардинія, хотя конечно съ громадными пожертвованіями; государственный долгъ съ 1849 года почти учетверился; главную статью государственныхъ расходовъ составляютъ издержки на армію. Правда, что въ тоже время и всѣ отрасли государственнаго благосостоянія видимо стали развиваться; земледѣліе и промышленность значительно усилились; сооруженіе прекрасной сѣти желѣзныхъ дорогъ, и разработка шоссе черезъ горы, сдѣлали Сардинію центромъ весьма значительной транзитной торговли. Однакожъ, несмотря на всѣ эти видимыя преимущества, напряженное положеніе, въ которомъ находится Сардинія, не можетъ продолжаться слишкомъ долго, и это обстоятельство можетъ служить однимъ изъ весьма важныхъ указаній на необходимость настоящей войны.

Сардинская армія состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

По штату военного времени.

1) Пѣхоты: 10 бригадъ линейной пѣхоты (по два четырехъ баталіонные полка въ каждой:) и 10 стрѣлковыхъ баталіоновъ (<i>bersaglieri</i>).	60,450 чел.
2) Кавалеріи: 9 полковъ (4 линейные и 5 легкихъ пяти—эскадр. состава)	6,840 —
3) Артиллеріи: два полка: полевой (<i>Regimento di Compagna</i>) и крѣпостной (<i>Regimento di Piarra</i>)	8,260 —
4) Инженеры: одинъ полкъ двухъ батал. состава.	2,055 —
	<hr/>
	Итого 77,605 —

Къ этому надо прибавить еще составъ военной квартиры короля и разныхъ штабовъ, полкъ мастеровыхъ, 4 роты фуришатъ, корнусъ королевскихъ карабинеровъ, депо разнаго рода и другія части, которыя составятъ приблизительно до 34,500 чело-

вѣкъ, слѣдовательно общая сила сардинской арміи на военной ногѣ будетъ простираться до 112,000 человекъ, изъ которыхъ только до 90,000 могутъ дѣйствовать въ полѣ.

Преобразованиями военного министра генерала Ламармори, послѣдовавшими немедленно послѣ 1849 года, армія эта доведена до блистательнаго положенія, особенно же вся хозяйственная часть войскъ. Военный духъ въ различныхъ частяхъ этой арміи весьма не одинаковъ. Такъ пѣхотныя бригады, хотя и получаютъ безразлично конскриптовъ изъ разныхъ частей королевства, но воспоминанія историческія оставили и до настоящаго времени еще различіе между ними. Гренадерская бригада, считающаяся, первую по порядку и составлявшая до 1849 года королевскую гвардію, въ настоящее время изъ прежнихъ своихъ преимуществъ сохранила только одинъ галунъ на воротникѣ. Въ бригадѣ этой, корпусъ офицеровъ преимущественно состоитъ изъ Пиемонтцевъ и Савойцевъ. Она вмѣстѣ со второю бригадою (Савойскою) отличается наибольшею преданностію королевскому дому, преданностію, которая затмѣваетъ даже любовь къ общему отечеству Италіи. Затѣмъ, слѣдующія четыре бригады, пополнявшіяся прежде исключительно одними Пиемонтцами, а именно бригады Пиемонтская, Аосты, Кони и королевы, имѣютъ славныя историческія преданія, которыя и въ настоящее время могутъ еще воодушевить эти бригады. Послѣднія четыре бригады: Казале, Пиньероль, Савоны и Акви, существовали только съ 1814 по 1821 годъ, въ которомъ были распущены за участіе въ революціи и вновь сформированы уже при Карлѣ-Албертѣ. Господствующій элементъ въ этихъ послѣднихъ бригадахъ чисто италіанскій, который на первомъ планѣ ставитъ Италію, единую, цѣлую, нераздѣльную и притомъ никакъ уже не монархическую, а республиканскую. Оттого въ глазахъ Сардинскаго правительства, эти бригады наиболѣе опасны для конституціоннаго спокойствія государства.

Вообще пѣхота одѣта, обучена и вооружена хорошо и сражаясь рядомъ съ французскими войсками, можетъ представить весьма надежное войско. Особеннаго вниманія заслуживаютъ стрѣлковыя баталіоны (*bersaglieri*), сформированные преимущественно изъ жителей горъ. Распределеніе этихъ баталіоновъ по бригадамъ и особенно весьма значительное число въ нихъ иностранныхъ офицеровъ, не позволяютъ вовсе этому роду войскъ имѣть свой собственный духъ. Также замѣчательна и сардинская

артиллерія, какъ по превосходству своей матеріальной части, такъ и по строевому образованію людей.

Кавалерія сардинская можетъ считаться лучшимъ оружіемъ. До 1849 года она была слѣпымъ подражаніемъ кавалеріи другихъ державъ, но при новой организаціи, устройство ея вполне примѣнено къ самой странѣ. Вся кавалерія почти вполне, какъ по своему вооруженію, такъ и по свойствамъ лошадей, можетъ быть названа легкою.

Важнѣйшіе недостатки сардинской арміи, это малое число еще въ ней офицеровъ, получившихъ хорошее военное образованіе. Туринская военная академія, единственное военно-учебное заведеніе, снабжающее армію офицерами. Отъ этого приходится усматривать причину уменьшенія производства изъ нижнихъ чиновъ, что значительно ослабляетъ комплектъ унтеръ-офицеровъ, столь нужныхъ во всякой арміи и особенно въ сардинской, гдѣ обученіе конскриптовъ, особенно поступающихъ не изъ горъ, чрезвычайно медленно. Другой еще болѣе важный недостатокъ сардинской арміи, это раздвоеніе вообще сардинскаго военнаго общества на двѣ партіи: роялистовъ и республиканцевъ; первые слѣпо преданы королевскому дому и на самое даже освобожденіе Италіи смотрятъ не иначе, какъ на средство къ возвышенію Сардинскаго королевства. Вторые же желаютъ Италію чисто-республиканскою. Мы уже видѣли, какъ эти два элемента входятъ въ составъ пѣхоты. Само правительство очень хорошо видитъ это раздвоеніе и принимаетъ мѣры, чтобы уничтожить его; такъ, оно настоятельно старается вводить савойскій элементъ во всѣ собственно италіанскія бригады, назначая унтеръ-офицеровъ преимущественно изъ Савойцевъ. Но съ другой стороны политика Сардиніи требуетъ отъ нея, чтобы она была вполне представительницею всѣхъ интересовъ Италіи и это побуждаетъ правительство, часто, несмотря даже на явное неудовольствіе и ропотъ коренныхъ Пиемонтцевъ, принимать къ себѣ въ службу и возвышать людей, которые по своимъ понятіямъ принадлежатъ къ самымъ крайнимъ революціоннымъ стремленіямъ. Такъ приняты на службу оба брата Дурандо, генералъ Чіальдини, Кальдерини, Фанти, изгнанники Моденскіе и Римскіе, участвовавшіе въ событіяхъ 1848 года и не такъ давно еще назначенные генералъ-адъютантами короля.

Конечно, въ настоящее время, когда въ Сардиніи возбужденъ сильный энтузіазмъ, когда даже люди, которые прежде счита-

лись приверженцами Австрiи, теперь сѣло пристаютъ подъ знамена освобожденiя Италiи,—трудно предполагать, чтобы нослѣдовалъ разрывъ между этими двумя партiями. Притомъ же, во всѣхъ умахъ еще свѣжи и памятливы событiя 1848 и 1849 годовъ, когда Италiя была на краю своего освобожденiя, но когда ее сгубили именно раздоры, возникшіе между этими партiями, и преимущественно несвоевременныя притязанiя партiи республиканской.

Что касается флота Сардинiи, то при всей своей незначительности, онъ, однако, можетъ содѣйствовать французскому въ перевозкѣ войскъ и военныхъ принадлежностей. Самое населенiе, какъ Генуэзской ривьеры, такъ и острова Сардинiи, представляетъ весьма богатый источникъ для пополненiя численнаго состава матросовъ на флотъ. Сверхъ того, милиція острова Сардинiи, простирающаяся до 9,000 человекъ, можетъ быть съ пользою употреблена на материкъ и своимъ испытаннымъ мужествомъ, стойкостію и способностію переносить военныя трудности, милиція эта не уступитъ правильно организованнымъ войскамъ.

Изъ другихъ италiанскихъ владѣній, наиболѣе сильную и хорошо устроенную армию имѣетъ Неаполь. Но по своей отдаленности отъ сѣверо-италiанскаго театра войны, а также и вслѣдствіе постоянно безнокойнаго состоянiя и самой страны, армія эта врядъ ли приметъ участіе въ войнѣ за независимость Италiи. Вѣроятнѣе всего, что Неаполь останется нейтральнымъ.

На войска Павской области также нельзя разсчитывать, какъ во ихъ малочисленности, такъ еще болѣе по ихъ ненадежности, такъ какъ войска эти состояются посредствомъ вербовки изъ частей населенiя самыхъ ненадежныхъ.

За тѣмъ остаются великое герцогство Тосканское и герцогства Пармское и Моденское, изъ которыхъ первое и часть послѣдняго (округи Масса и Каррара) уже присоединились въ военномъ отношенiи къ Сардинiи. Число войскъ, которое могутъ выставить эти владѣнія, простирается:

Для Тосканы всего съ милиціей до	16,000 чел.
— Модены	— —	17,000 —
— Пармы однихъ регулярныхъ	8,500 —
Итого		41,500 чел.

Но на эти войска нельзя вполнѣ полагаться, по недостатку въ нихъ хорошаго боеваго духа и по отсутствію прочнаго воен-

наго образованія. За тѣмъ, вообще, населеніе этихъ владѣній (простирающееся до 3,000,000) и особенно Моденцы и Пармцы, чрезвычайно способны къ военной службѣ; напротивъ того Тосканцы, будучи болѣе изнѣжены и климатомъ и природою, не въ состояніи переносить сильныхъ военныхъ тягостей.

Такимъ образомъ единственное почти содѣйствіе со стороны войскъ, на которое Французы могутъ рассчитывать въ Италіи, они найдутъ почти исключительно въ одномъ Пиемонтѣ. Но за то они встрѣтятъ полное сочувствіе въ массѣ народонаселенія и притомъ не одного только Пиемонта, но и всей Сѣверной Италіи. Населеніе это не лишено весьма многихъ превосходныхъ качествъ собственно въ военномъ отношеніи; но только ему нужно дать правильную организацію, нѣкоторое обученіе и подчинить дисциплинѣ. Врожденной храбрости и мужества въ Италіанцахъ очень много; лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить 1848 и 1849 года, когда нестройныя толпы волонтеровъ неоднократно разбивали австрійскіе отряды, или отражали нападенія Австрійцевъ на укрѣпленные города; самымъ же лучшимъ доказательствомъ военныхъ способностей Италіанцевъ можетъ служить защита Венеціи, которая такъ долго держалась противъ всѣхъ усилій Австрійцевъ, единственно потому, что энергическія дѣйствія диктатора Венеціанской республики Манина и главнокомандующаго венеціанскихъ войскъ генерала Пепе успѣли придать волонтерамъ болѣе правильное устройство и ввести между ними дисциплину. И въ настоящей войнѣ можно предполагать, что болѣе полные результаты будутъ достигнуты, если Ломбардцы, не дѣлая открытаго возстанія на равнинѣ, будутъ стараться образовать милиціи лишь тогда, когда въ Ломбардію вступятъ Франко-Сардинцы.

Что же касается Австрійцевъ, то полагать должно, что они нивъ какомъ случаѣ не могутъ рассчитывать на сочувствіе къ себѣ жителей. И таковъ-то результатъ болѣе чѣмъ сорокалѣтняго владычества ихъ въ Италіи. Въ настоящее время они находятся въ такомъ же совершенно положеніи, въ какомъ были и въ эпоху Вѣнскаго конгресса. Они занимаютъ военною силою Италію, стоятъ въ ней лагеремъ. Но мы видѣли уже, что силы, которыми располагаетъ Франко-Сардинскій союзъ, столь значительны, что врядъ ли Австрія въ состояніи будетъ противостать имъ. Особенную же вѣроятность пріобрѣтаетъ это предположеніе, если принять во вниманіе еще и финансовыя средства обѣихъ воюющихъ

сторонѣ. Государственный кредитъ Франціи находится въ весьма хорошемъ положеніи, что лучше всего доказалъ послѣдній заемъ, когда на спросъ правительства 500,000,000 франковъ, явились подписки на сумму болѣе 800,000,000. Напротивъ же того, австрійскіе займы идутъ крайне неудачно, такъ что правительство теперь уже, въ самомъ началѣ войны, нашлось вынужденнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ самымъ крайнимъ и показывающимъ совершенное истощеніе всѣхъ государственныхъ источниковъ.

Такимъ образомъ, все, кажется, соединилось въ настоящее время противъ Австріи, для того, чтобы вырвать у нея ея италіанскія земли и осуществить предположенія императора Наполеона, чтобы Италія сдѣлалась свободною до Адриатическаго моря. Противъ Австріи и сознание справедливости освобожденія Италіи, и сила, необходимая для этого дѣла. Но Вѣнскій кабинетъ имѣетъ за то на своей сторонѣ множество чисто политическихъ пружинъ, которыя подъ покровомъ сохраненія святости и ненарушимости трактатовъ 1815 года, готовы отстаивать владѣтельство Австрійцевъ въ Италіи. Оружіе въ этомъ вопросѣ несомнѣнно можетъ сдѣлать много для независимости Италіи, но, что сдѣлаетъ для нея политика европейскихъ кабинетовъ, это до настоящаго времени покрыто совершенно непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности.

И. ГЛИБОЕЦКІЙ.